

А. М. Букатая

**КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
конца XX – начала XXI в.:
ТВОРЧЕСТВО ЧЖАН ЛИН**

Рекомендовано

*Учебно-методическим объединением
по гуманитарному образованию в качестве
учебно-методического пособия для студентов
учреждений высшего образования, обучающихся
по специальности 1-21 05 07 «Восточная филология»*

УДК 821.581.09"19/20"+821.581.09"19/20"(092)Чжан Лин
ББК 83.3(5Кит)64+83.3(5Кит)64-8Чжан Лин
Б91

Рецензенты:
кафедра зарубежной литературы
Минского государственного лингвистического университета
(заведующий кафедрой кандидат филологических наук,
доцент *Ю. В. Стулов*);
кандидат филологических наук *Н. Л. Сержант*

Букагая, А. М.
Б91 Китайская литература конца XX — начала XXI в.: творчество
Чжан Лин : учеб.-метод. пособие / А. М. Букагая. — Минск : БГУ,
2021. — 95 с.
ISBN 978-985-881-016-0.

Рассматривается территориальное разнообразие и многоголосие современной китайской литературы; приводятся ключевые этапы и тенденции развития китайской словесности зарубежья; выявляются наиболее важные факторы формирования идейно-художественного своеобразия произведений Чжан Лин и значимость ее творчества в контексте развития китайской прозы рубежа XX—XXI вв.

УДК 821.581.09"19/20"+821.581.09"19/20"(092)Чжан Лин
ББК 83.3(5Кит)64+83.3(5Кит)64-8Чжан Лин

ISBN 978-985-881-016-0

© Букагая А. М., 2021
© БГУ, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

При знакомстве с современной китайской литературой неизбежно столкновение с проблемой теоретического осмысления понятия национальной специфики в целом и выявления этой специфики в литературе в частности. Данное учебно-методическое пособие представляет собой попытку систематизации сведений не только из литературоведческой, но и из культурологической, исторической и других областей знания для дальнейшего использования их в сферах обучения и исследования.

Цель издания — краткая характеристика современной китайской прозы рубежа XX—XXI вв. в контексте поиска основ национальной идентичности китайской литературы (на примере творчества Чжан Лин). Поставленная цель предполагает последовательное решение следующих *задач*: 1) обозначить методологическую основу и обзор научной литературы по теме; 2) охарактеризовать основные сегменты современной китайской литературы, а в их контексте — тенденции развития китайской прозы зарубежья; 3) выделить критерии категориальной оценки национальной специфики китайской литературы; 4) выявить факторы, повлиявшие на становление творческой индивидуальности Чжан Лин и нашедшие отражение в проблематике и поэтике прозы писательницы.

Методологическая база учебно-методического пособия представлена биографическим, компаративным, культурно-историческим и лингвокультурологическим методами. Основным *предметом* исследования выступает идейно-художественное своеобразие и национальная специфика творчества Чжан Лин.

В учебно-методическом пособии выделены и систематизированы доминантные признаки национальной идентичности, воплощенные в современной китайской художественной литературе; описаны основные тенденции развития китайской литературы зарубежья в рамках территориальной структуры современной литературы Китая; исследовано творчество Чжан Лин в контексте ведущих тенденций в развитии китайской прозы конца XX — начала XXI в., обусловленных как национальной спецификой современной китайской литературы, так и межкультурными реалиями во взаимоотношениях Востока и Запада, характерными для современного общества.

Актуальность издания обусловлена: 1) необходимостью развития в белорусском китаеведении исследований в области современной китайской литературы; 2) потребностью терминологической и понятийной разработки критериев определения национальной специфики

китайской литературы и национально обусловленных оригинальных для современной китайской словесности дефиниций; 3) репрезентативностью творчества Чжан Лин как признанного мастера современной китайской прозы и продуктивностью изучения особенностей проблематики и поэтики ее произведений в историко-литературном и кросс-культурном контексте.

В учебно-методическом пособии выделены способы и формы проявления национальной идентичности в творчестве китайских современных прозаиков (и в первую очередь Чжан Лин) как на проблемно-тематическом, так и на поэтико-стилевом уровне, представлена теоретическая база и аналитический материал для дальнейшей разработки вопросов, связанных с изучением национальной идентичности и ее репрезентации в художественных текстах.

Издание будет интересно филологам-китаеведам, литературоведам, а также специалистам социокультурной направленности в сфере китаеведения. Предложенная теоретическая база раскрытия национальной специфики китайской литературы применима для выявления национальной специфики любой литературы (в том числе белорусской).

ВВЕДЕНИЕ

Современная китайская проза рубежа XX–XXI вв. развивается как в рамках национальной, так и в контексте мировой художественной словесности, отличается культурным полифонизмом, который проявляется, во-первых, в многообразии направлений, течений, тенденций, во-вторых, в гармоничном сосуществовании собственно «материковой» китайской литературы и литературы зарубежного Китая. В современной художественной прозе и публицистике Китая конца XX – начала XXI в. активно разрабатывалась тема поиска корней и возрождения национального величия, связанная с идеями этноцентризма, культурной преемственности, идентичности (как этнической, так и гендерной), которые получили новую интерпретацию в кросс-культурном контексте.

Писатель и главный редактор журнала «Народная литература» («人民文学») Ли Цзинцзэ (李敬泽) в статье «Безмолвная литература» («Speechless Literature») выдвигает тезис, что «в Китае литература является предметом нравственной сферы. <...> В Китае литература никогда не была только (чисто) литературой»¹. В настоящее время возвращается понимание литературы как составляющей системы дериватов концепта *вэнь*, осознание ее ценности в процессе формирования национального самосознания и возрождения идеи национального величия.

Наряду с многоголосием внутри «материковой» китайской литературы наблюдается тенденция к сближению компонентов мировой китайскоязычной словесности. Существенную роль в данном процессе играют писатели китайского зарубежья, среди которых Чжан Лин (张翎) (1957 г. р.) приобрела статус одной из наиболее показательных и авторитетных фигур. Многокомпонентная национальная специфика ее творчества коррелирует с влиянием современного мультикультурализма и характерна как для китайского литературного зарубежья, так и для литературы Китая в целом. Китайская литература зарубежья является существенной по объему и инновационной по значимости составляющей словесности Китая рубежа XX–XXI вв. Интенсивный рост данного сегмента, будучи показательной тенденцией в развитии китайской литературы в целом, демонстрирует ее растущее культурное многообразие. В исследованиях китайских ученых применительно к данному компоненту литературы доминирующим выступает термин 海外文学 –

¹ Li Jingze. Speechless Literature [Electronic resource]. URL: <http://english.caixin.com/2010-01-10/100107027.html> (date of access: 13.02.2015).

‘заморская литература’. Она включает все произведения, создаваемые за пределами Китая этническими китайцами не только на китайском, но и на английском, французском и других языках.

Чжан Лин родилась и выросла в Китае, уехала учиться в Канаду, где получила филологическое и медицинское образование, осталась жить и работать в Торонто. Профессионально заниматься литературным творчеством она начала в 1990-е гг., долгое время совмещая врачебную и литературную деятельность. В 2010 г. Чжан Лин ушла из медицины и полностью посвятила себя творчеству.

Чжан Лин является автором восьми романов («Полнолуние» / «望月» (1998), «На том берегу» / «交错的彼岸» (2001), «Невеста по почте» / «邮购新娘» (2004), «Золотая гора» / «金山» (2009), «Спи, Фло, спи!» / «睡吧, 芙落, 睡吧!» (2011), «Схватки» / «陈痛» (2014), «Сказание о быстротечности времени» / «流年物语» (2016), «Одинокая ласточка» / «劳燕» (2017)), повестей, рассказов и эссе.

Выбор произведений именно этого автора в качестве примера новейшей китайской прозы представляется обоснованным по ряду причин. Значимость творчества Чжан Лин признана в профессиональном сообществе китайских литераторов: лауреат Нобелевской премии по литературе 2012 г. Мо Янь замечает, что «таких писателей, которые, подобно Чжан Лин, в состоянии настолько безупречно соединить воедино китайскую и зарубежную истории, совсем не так много. Я полагаю, в этом также заключена ценность ее как писателя, и в этом ценность ее прозы»¹. Ряд произведений Чжан Лин отмечен VII Октябрьской литературной премией (2000), II Международной литературной премией за лучшую прозу на китайском языке (2003), I Канадской литературной наградой Юань Хуэйсуна (2005), IV Народной литературной премией (2006) (Чжан Лин стала первой представительницей китайского зарубежья, получившей эту награду), VIII Октябрьской литературной премией (2007), наградой за лучшую прозу «Повести. Избранное» (2008), специальной наградой «Чжуншань бэй» («中山杯», 2009). Повести «Овца» («羊», 2004), «Возвращение в Цзаоси» («雁过藻溪», 2004), «Послешок» («余震», 2006), «Самая темная ночь в жизни» («生命中最黑暗的夜晚», 2011) входили в рейтинг Научного общества по изучению китайской художественной прозы соответственно в 2003, 2005, 2007, 2011 гг. В 2010 г. Чжан Лин получила специальный приз международной премии «Сон

¹ 黄运荣、熊文。莫言与加拿大华裔作家文缘 (Хуан Юньжун, Сюн Вэнь. Мо Янь о литературной судьбе китайских писателей в Канаде [Электронный ресурс]. URL: http://www.ycwb.com/epaper/ycwb/html/2012-10/18/content_1514649.htm (дата обращения: 02.11.2014)).

в красном тереме» за лучший роман на китайском языке. В 2012 г. она была удостоена почетной награды за прозу средних форм II премии Юй Дафу. 2019 год для писательницы отмечен XV Октябрьской литературной премией за лучшую повесть («Румяна» / «胭脂», 2018).

Популяризации творчества Чжан Лин способствовал выход фильма «Таншаньское землетрясение» («唐山大地震», 2010) режиссера Фэн Сяогана (冯小刚), снятого по повести «Послешок» (2009), которая основана на реальных событиях 1976 г. в Таншане. Сценаристом выступила писательница, и благодаря успеху фильма ее проза стала более востребована на родине. В 2014 г. вышла экранизация повести «Пустое гнездо» («空巢», 2005) под названием «Женщина из Вэньчжоу» («一个温州的女人») режиссера Хай Да (海达). В 2019 г. Чжан Лин вновь выступила в сотрудничестве с Фэн Сяоганом, написав сценарий драмы «Знают только облака» («只有芸知道»). В свободное от работы над книгами время она посещает международные литературные конференции, проводит презентации книг, встречается с читателями, много путешествует.

Источник: [http://www.hongqipress.com/
booksmell/201708/t20170804_4738594.shtml](http://www.hongqipress.com/booksmell/201708/t20170804_4738594.shtml)

Зарубежный читатель знаком лишь с романом Чжан Лин «Золотая гора» («金山», 2009) в переводе на английский язык Ники Харман (Nicky Harman) – «Gold Mountain Blues» (2011; изд-во *Penguin*); немецкий язык – Марка Херманна (Marc Hermann) – «Der Traum vom Goldenen Berg» (2014; изд-во *Schöfling und Co.* (Франкфурт-на-Майне)); французский язык – «Le Rêve de la Montagne d’Or» (изд-во *Renaud-Bray*). Кроме того, в 2020 г. появился перевод романа «Одинокая ласточка» («A Single Swallow») Шелли Брайант (Shelly Bryant).

Роман «Золотая гора» получил широкую известность и способствовал росту интереса к творчеству писательницы на родине. В 2010 г. за это произведение Чжан Лин была отмечена китайскими СМИ как Писатель года и награждена Гран-при медиапремии по китайской литературе (华语文学传媒大奖). В рамках Международного симпозиума по китайско-канадской литературе в Йоркском университете (Торонто, июль 2010 г.) был проведен круглый стол, посвященный творчеству Чжан Лин. Как отметила одна из организаторов, профессор Сюй Сюэцин, роман «Золотая гора» «по масштабу, глубине, искусству создания характеров является важной вехой в китайско-канадской литературе»¹. Широкий отклик как в литературных кругах, так и в читательском сообществе вызвал последний роман «Схватки».

Отечественный читатель может познакомиться с творчеством Чжан Лин в журнале «Маладосць» (№ 12. 2019) в рубрике «Кітайскі сшытак», подготовленной в сотрудничестве и при поддержке Республиканского института китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета (РИКК БГУ). В номер вошли эссе «Жыццiяпік Дзіцяці» («妞妞传», 2011) и повесть «Пустое гнездо».

В 2020 г. вышел сборник эссе «Три рода любви: Браунинг, Дикинсон и Жорж Санд» («三种爱: 勃朗宁夫人、狄金森和乔治·桑»), показательный с позиции мировоззрения и литературных предпочтений писательницы.

На становление творческой индивидуальности Чжан Лин повлияли: 1) историко-культурные особенности развития Китая последней трети XX в., составляющие содержательную основу историзма с китайской спецификой в творчестве писательницы; 2) переломные факты ее биографии, которые становятся предметом осмысления на различных уровнях текста: идейно-тематическом, сюжетно-композиционном, в системе персонажей, в связи с чем иммигрантская тема выступает главной в творчестве Чжан Лин; 3) обращение к западноевропейской культурной традиции, что объясняет, например, гармоничное сосуществование в произведениях писательницы традиционного синкретизма Трех учений и элементов христианского религиозного сознания. Такое сочетание предшествующего духовного опыта китайской (конфуцианской, буддистской) цивилизации и западноевропейской христианской традиции является одним из показательных свойств современной китайской иммигрантской литературы.

¹ McLaren L. Why three prominent Chinese-Canadian writers launched a \$10-million plagiarism suit against Ling Zhang [Electronic resource]. URL: <http://www.torontolife.com/informer/features/2011/12/21/something-borrowed> (date of access: 16.09.2014).

В творчестве Чжан Лин национальная специфика в сочетании с ценностной парадигмой современного мультикультурного общества отражается в оригинальной разработке тематики и характеристике образов героев. Модификация образа нового героя свидетельствует об эволюции национального характера в условиях активизации мировых мультикультурных процессов. Для героев Чжан Лин актуальна проблема личностной идентичности и самореализации наряду с проявлением доминантных особенностей национальной психологии и менталитета, сформированных в условиях традиционного китайского общества.

Своеобразие художественного стиля писательницы заключается в синтезе достижений китайской традиционной литературы и психологической прозы, разработанной в западноевропейской традиции. Характерными приемами художественного мастерства Чжан Лин является детализация в описании портрета, пейзажа, интерьера, мимики, жестов, а также использование имен собственных для культурной и личностной репрезентации героев. Тема любви — одна из ведущих в творчестве Чжан Лин и демонстрирует синтез традиционного китайского, наднационального универсального и авторского индивидуального восприятия любви, которая осмысливается как основной инструмент самопознания и самоусовершенствования героев.

Творчество Чжан Лин демонстрирует всю совокупность доминантных черт национальной идентичности китайской литературы, таких как историзм с китайской спецификой, особенности национального характера как выражение национального самосознания, религиозно-культурный синкретизм, неординарное отношение к китайскому языку и традиционной словесности. Вместе с тем на фоне взаимодействия культур Востока и Запада данные компоненты приобретают дополнительные свойства, которые свидетельствуют о гармоничном взаимодействии в произведениях Чжан Лин традиционного и современного, национального и универсального.

Глава 1

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Исследования по проблеме китайской национальной специфики и словесности: обзор литературы

Методологическую основу учебно-методического пособия составляют труды отечественных и зарубежных литературоведов, культурологов, социологов, историков, философов. Изучению проблем китайской литературы посвящены работы советских и российских исследователей: В. М. Алексеева, С. Н. Воронина, Д. Н. Воскресенского, К. И. Голыгиной, Д. А. Дерепы, Ю. А. Дрейзис, А. Н. Желоховцева, Н. В. Захаровой, Л. А. Ивлева, Н. И. Конрада, А. М. Карапетьянца, М. Е. Кравцовой, И. С. Лисевича, Г. С. Померанца, О. П. Родионовой, В. И. Семанова, В. Ф. Сорокина, Н. Т. Федоренко, Л. Е. Черкасского и др.

Кроме того, использованы статьи немецких литературоведов Вольфганга Кубина, Ганса Кюхнера, датского синоведа Анны Ведель-Ведельсборг, американского исследователя и переводчика Говарда Гольдблатта, затрагивающие вопросы развития современной китайской литературы.

При изучении национальной специфики китайской литературы научной основой послужили труды российских китаеведов: статьи и диссертационные исследования Н. К. Хузятовой, посвященные модернистским тенденциям в современной китайской литературе, и Е. А. Завидовской, характеризующие постмодернизм и проблему самоопределения в современной китайской прозе. Особый интерес в контексте учебно-методического пособия представляет монография «Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе XX века» А. А. Родионова, в которой автор анализирует проблему национального характера не только в творчестве писателя, но и в литературном пространстве Китая начиная с середины XIX в.

В издании обобщены и учтены положения и наблюдения китайских критиков, публицистов и писателей относительно национальной спе-

цифики китайской литературы: Бо Яна, Гао Синцзяня, Мо Яня, Линь Юйтана, Ли Цзинцзэ, Чжан Айлин, Хань Ханя, Гэ Фэя, Чжао Сифана.

При определении места и роли китайского национального самосознания и выявлении оппозиции «свой – чужой» в культурно-историческом и литературном пространстве Китая теоретическую базу составили работы советских и российских китаеведов М. В. Крюкова, В. В. Малявина, М. В. Сафронова, Н. Н. Чебоксарова («Древние Китайцы: проблемы этногенеза», «Китайский этнос на пороге средних веков», «Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени» и др.), В. Г. Бурова («Китай и китайцы глазами российского ученого», «Патриотизм с китайским разрезом», «Китайский путь к “китайской мечте”», «Китай: третий путь» и др.), Ю. М. Галеновича («Китайские сюжеты: чем доволен и недоволен Китай»), М. Н. Корнилова («Провинциальные идентичности в Китае: оживление регионализма и воссоздание “китайскости”» и др.), В. А. Корсуна («Идентичность с “китайской спецификой”»), А. А. Маслова («Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения» и др.), М. Е. Кравцовой («История культуры Китая», «История искусства Китая», «Поэзия вечного просветления» и др. Большое значение для выявления национальной специфики на уровне системы образов литературных героев имели наблюдения известных советских и российских ученых Н. А. Спешнева, С. А. Торопцева, Д. Н. Воскресенского, А. Г. Сторожука.

Методологической базой для сегментации современной китайской литературы на «материковую» и «заморскую» стали прежде всего учебные пособия и статьи современных китайских исследователей (Чэнь Дяньсин, Чэнь Жуйлинь, Хэ Вэньсюань, Хуан Ваньхуа, Хуан Юньжун, Лю Цзин, Жун Жун, Ван Цзяо, Сюэ Хайсян, Ян Чаншэн, Ян Хэнцзюнь, Юй Сю и др.).

Основанием для выделения пограничной составляющей послужили работы российских литературоведов М. В. Глостановой («Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века»), М. К. Поповой («Национальная ментальность и национальные литературы в (пост) имперскую эпоху»), С. Г. Коровиной («Творчество Эми Тань 1980–90-х гг. в контексте азиато-американской литературной традиции»), Е. М. Бутениной («Гибридная идентичность как литературная проблема (на материале китайско-американской женской прозы XX века)»), Е. М. Караваевой («Конфликт поколений в романах Максин Хонг Кингстон и Эми Тэн: к проблеме поиска идентичности в азиато-американской литературе США последней трети XX века»). Кроме того, концептообразующими явились понятие «мультикультура» М. В. Глостановой и тезис о размытости, гибридности и одновременном усилении нацио-

нальных идентичностей в результате роста культурной гомогенизации и «глобального постмодерна» Стюарта Холла¹. В белорусском литературоведении значительное внимание творчеству китайско-американской писательницы Эми Тан уделяет А. М. Бутырчик.

В работе канадской исследовательницы Л. Леунг четко обозначено, что термин *Overseas Chinese literature* соотносится с китайским 海外华人文学, т. е. ‘литература китайцев за рубежом’, и включает *Overseas Chinese-language literature* (海外华文文学) – ‘китайскоязычная литература зарубежья’ и *Overseas non-Chinese-language literature* (海外非华文文学) – ‘некитайскоязычная литература зарубежья’². С точки зрения культурной идентичности литература пограничья, в которой в Новом свете представлена проблема национального самосознания, относится к национальной китайской литературе. В статье Чжао Сифана «От литературы Китая к литературе на китайском языке»³ подтверждается стремление к консолидации составляющих современной китайской словесности во всем мире.

В связи с тем, что в прозе зарубежья и литературе пограничья очень велик процент участия женщин, при подготовке учебно-методического пособия учитывались замечания, наблюдения и выводы, представленные в статьях Э. А. Синецкой, Чэнь Жуйлинь, Хун Цзычэна, Сюэ Хайсян, Цзин М. Ван и других, в которых отображены наиболее репрезентативные черты китайской женской прозы.

Кроме того, использованы работы российских ученых В. В. Малявина, Г. А. Каченко, Н. Е. Боровской, Т. П. Григорьевой, А. И. Кобзева, Тань Аошуан, известного французского исследователя китайской культуры М. Гране и другие, посвященные китайской философии, антропологии, космологии, культуре и этнопсихологии.

Основой материалов о жизни и творчестве Чжан Лин послужили статьи и публикации из китайских и канадских журналов и газет Хуан Лицзе, Ли Макларен, Ван Вэньжуана, Сюй Сюэцин, Чэнь Жуйлинь, Мо Яня, Лу Хуань, а также многочисленные интервью писательницы.

¹ Hall S. The Question of Cultural Identity // Modernity. An Introduction to Modern Societies / ed.: S. Hall [et al.]. Wiley-Blackwell, 1995. P. 619.

² Leung L. Overseas Chinese Literature: A Proposal for Clarification // Reading Chinese Transnationalisms: Society, Literature, Film / ed.: Maria N. Ng, Philip Holden. Hong Kong, 2006. P. 117–118.

³ 赵稀方. 从中国文学走向中文文学 // 中华读书报. 2004. 08月 (Чжао Сифан. От литературы Китая к литературе на китайском языке [Электронный ресурс] // Китай читает. 2004. авг.). URL: <http://www.literature.org.cn/Article.aspx?id=1628> (дата обращения: 07.04.2016)).

Крупной исследовательницей творчества китайских эмигрантов на китайском языке в целом и Чжан Лин в частности является Чэнь Жуйлинь.

В настоящее время китаеведение располагает определенными научными ресурсами, которые дают предпосылки для изучения различных аспектов современной китайской литературы в целом и прозы в частности. Несмотря на очевидные достижения китаеведов из России, Беларуси, Китая, Америки и стран Западной Европы, ряд тенденций и явлений современной китайской литературы остается малоизученным. Если в китайском научном сообществе достаточно пристальное внимание уделяется китайской эмигрантской прозе, то в белорусском литературоведении пока нет работ, посвященных творчеству китайских писателей-эмигрантов на китайском языке. Кроме того, среди трудов китайских, российских и западноевропейских исследователей немало статей, в которых рассматриваются отдельные аспекты и проявления национальной идентичности китайской литературы либо абстрактные понятия национальной составляющей, национального духа. Этим обусловлена необходимость в теоретическом обосновании, обобщении и систематизации признаков китайской литературы, которые определяют ее специфику.

В целом в белорусском литературоведении до настоящего времени наблюдается недостаток серьезных академических работ о творчестве современных китайских писателей в целом и представителей китайского зарубежья в частности. Исключением является, например, ряд статей А. М. Бутырчик, посвященных образно-символической системе и проблематике творчества Эми Тан¹. Кроме того, большой интерес представляет пособие В. В. Жуковец, в котором дана краткая характеристика этапов рецепции китайской литературы в Беларуси XX–XXI вв. (2019)².

Исследование современной китайской прозы требует обращения к вопросам национальной специфики китайской литературы и характера ее основных компонентов, а в произведениях писателей китайского

¹ *Бутырчик Г. М.* Вобразы-сімвалы ў рамане Эмі Тан «Жонка кухоннага бога» // Беларускае літаратуразнаўства. Навукова-метадычны зборнік. Мінск, 2007. Вып. 5. С. 174–182; *Яе ж.* Калі прыгнечаныя пачынаюць гаварыць: ГОЛАС – МАЎЧАННЕ ў творчасці Эмі Тан // Чтение: рецепция и интерпретация : в 2 ч. : сб. науч. ст. Гродно, 2011. Ч. 2 / редкол.: Т. Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. С. 225–233; *Яе ж.* Памяць і забыццё ў рамане Э. Тан «Дачка кастаправа» // Американские и европейские исследования 2008–2009. Минск, 2010. С. 31–43.

² *Жуковец В. В.* Китайская литература в Беларуси [Электронный ресурс] : пособие / под общ. ред. Н. Н. Хмельницкого. Минск, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

зарубежья на фоне взаимодействия культур Востока и Запада проблемы национальной идентичности и особенности национального характера выступают особенно рельефно и репрезентативно.

На рубеже XX–XXI вв., во многом благодаря выходу взаимоотношений Республики Беларусь и Китайской Народной Республики (КНР) на новый уровень экономического сотрудничества, происходит укрепление белорусско-китайских культурных связей. Среди переводов на белорусский язык большую часть составляют переводы китайской классической поэзии. Так, в серии «Светлые знаки: поэты Китая» (изд-во «Звезда») вышло шесть сборников, из них четыре представляют поэзию эпохи Тан (Ли Бо, Ван Вэй, Ду Фу, Ли Хэ), один – современную китайскую поэзию (Ай Цин) и один – новейшую (Ван Гочжэнь). Переводы на русский язык рассказов, эссе и стихов представлены в журналах «Неман» (№ 10. 2014), «Всемирная литература» (№ 5. 2004; № 9. 2003; № 9. 2001), в номерах, посвященных литературе КНР. Раздел «Китайські сшытак» журнала «Маладосць» включает переводы на белорусский язык как поэзии, так и прозы китайских авторов различных периодов и направлений (№ 1. 2017. № 12. 2015). Таким образом, в настоящее время в белорусском китаеведении назрела необходимость переводов и исследований новейшей китайской литературы, которые позволяют лучше понять национальный менталитет, отличительные черты национальной психологии и картины мира китайцев, что будет способствовать межкультурному взаимодействию.

Вопросы и задания для самостоятельной подготовки и обсуждения

Китайская национальная специфика глазами китайцев

1. Феномен актуальности трактата Ли Цзунъю «Наука о бесстыдстве и коварстве» (李宗吾. «厚黑学», 1917). Проблемно-тематическое поле. Особенности композиции.

2. Подход к интерпретации отличительных особенностей китайской культуры в книге Линь Юйтана «Китайцы. Моя страна и мой народ» (林语堂. «吾国与吾民», 1935). История создания. Структурные и содержательные особенности.

3. Проблема национального характера в эссе Бо Яна «Эти отвратительные китайцы» (柏杨. «丑陋的中国人», 1984). Проблематика. Художественно-стилистические особенности.

4. «Очерк китайской культуры» Шэнь Чжэньхуэй (2019) как образец научно-популярной адаптации учебного пособия для иностранных студентов в Китае.

Китайская национальная специфика глазами иностранцев

1. Ханне Чен «Эти поразительные китайцы» (Hanne Chen. «Kultur-schock China (VR und Taiwan)», 2002). Степень новизны и актуальности. Проблема стереотипного мировосприятия и интеграции иностранца в китайское общество.

2. Социологический метод в подходе к изучению китайской культуры в работах Марселя Гране «Китайская цивилизация», «Китайская мысль» (Marcel Granet. «La civilisation chinoise», 1929; «La pensée chinoise», 1934) и др.

3. Китайская специфика построения международных отношений и интерпретация традиционных культурных представлений в книге Генри Киссинджера «О Китае» (Henry Kissinger. «On China», 2011).

4. Литературоведческая и культурологическая составляющие сборника Н. Е. Боровской и С. А. Торопцева «Китайская культура во времени и пространстве. 50 и 50 – век в китаеведении» (2010). Вклад исследователей в китаеведение.

5. Энциклопедия «Духовная культура Китая» как настольная книга китаиста. Том 3 «Литература. Язык и письменность»: аналитический обзор.

Компаративный аспект

1. Взгляды китайских авторов на китайскую национальную специфику. Эволюция vs революция.

2. Особенности подхода к изучению/выявлению/характеристике китайской специфики у западноевропейских, китайских, российских исследователей.

3. В настоящее время китаеведение развивается достаточно активно. Какие работы, раскрывающие тот или иной аспект национальной китайской специфики (в первую очередь в литературе и культуре), на ваш взгляд, следовало бы включить в список для обсуждения (как новинки, так и переиздания; в жанре эссе, научной и/или научно-популярной литературы)? Объясните ваш выбор.

1.2. Территориальная структура современной китайской прозы

Современная китайская литература развивается не только в рамках национальной, но и в контексте мировой литературы, и отличается культурным полифонизмом, поэтому национальное своеобразие часто с трудом поддается выявлению и определению. А. Н. Желоховцев от-

мечает, что китайская литература становится частью мирового литературного процесса, а «единогласие сменилось многоголосием, и все стали признавать превосходство нынешнего плюрализма в литературе над прежней привычной “монолитностью”»¹.

Многоголосие современной китайской литературы обеспечивается, во-первых, синхронным развитием традиций модернизма (现代主义), реализма (现实主义), постмодернизма (后现代主义), неореализма (新现实主义). Развиваются авангардизм (先锋派), абсурдизм (荒诞派), поток сознания (意识流). В конце XX в. возникают такие явления, как коммерческая литература, литературная мода, сетевая литература (网络文学)², активно развивается женская проза (女性小说)³. Литературный язык китайской прозы конца XX – начала XXI в. становится «отражением реальной речи населения Китая, иногда он излишне грубоват, но, с другой стороны, естественен и доступен»⁴.

В современной китайской художественной прозе и публицистике активно развивается тема поиска корней и возрождения национального величия, пропагандируется здоровый национализм, не переходящий границ этноцентризма. В середине 1980-х гг. появляется «литература поиска корней» (寻根文学), импульсом к этому послужило знакомство китайских авторов с латиноамериканским магическим реализмом. Литературовед и востоковед Н. К. Хузиятова обращает особое внимание на проблему национальной идентичности в новейшей китайской литературе и отмечает, что «менталитет современного человека обусловлен национальной культурной традицией, а значит, должен развиваться из нее. Осознав свою национальную индивидуальность, они (писатели. – А. Б.) стремились возродить ее в обновленном виде»⁵. Особенности национальной самобытности выражаются в выявлении

¹ Желоховцев А. Н. Современная литература // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / Ин-т Дальнего востока ; редкол.: М. Л. Титаренко (гл. ред.) [и др.]. М., 2006–2010. Т. 3 : Литература. Язык и письменность / под ред. М. Л. Титаренко [и др.]. 2008. С. 171.

² Там же. С. 172, 173, 177, 282.

³ Leung L. Overseas Chinese Literature: A Proposal for Clarification; *Li Jingze*. Speechless Literature.

⁴ Серебряков Е. А., Родионов А. А., Родионова О. П. Справочник по истории литературы Китая (XII в. до н. э. – начало XXI в.): имена литераторов, названия произведений, литературоведческие и культурологические термины в иероглифическом написании, русской транскрипции и переводе. М., 2005. С. 243.

⁵ Хузиятова Н. К. Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. СПб., 2008. С. 23.

региональных идентичностей, что иллюстрирует литературное разнообразие и неоднородность Китая при наличии единого культурного пространства. Одной из основных черт в исследованиях провинциальных идентичностей в Китае является «стремление к созданию чувства “культурной чистоты и аутентичности” как противостояния против хаоса недавнего прошлого и как гаранта против втягивания Китая в глобальную экономику»¹.

В данном контексте традиция поиска корней оборачивается поиском локальных (региональных) идентичностей, которые еще называют провинциальными, хотя они и не совпадают полностью с административно-территориальными границами. Региональные культуры — это не только выражение местного своеобразия, «препятствующего модернизации Китая, а совершенно противоположный им культурный элемент — “китайскость”»². Китай выступает многонациональным государством, в литературе это проявляется множеством различных течений, объединяющих писателей той или иной провинции. Преподаватель и переводчик профессор Чжан Цзяньхуа говорит о «направлении картофеля», которое объединяет группу писателей из провинции Шаньси, пишущих только о деревенской жизни; группу из провинции Хубэй, освещающую вопросы традиционной китайской культуры, ее истоки и пути развития; группу пекинских писателей, которые изображали современную жизнь и представителей нового поколения, «белых воротничков»; «шанхайцев», чье творчество отражает изменения, происходящие в душах молодых коммерсантов 1990-х гг.³

Темы поиска себя, поиска корней, культурной преемственности, осознания своей идентичности (как этнической, так и гендерной) сохранились и обновились в китайской прозе XXI в.

Таким образом, развитие различных направлений, тенденций, течений, новых тем в современной китайской прозе иллюстрирует внутренний культурный полифонизм китайской литературы.

Во-вторых, многоголосие современной китайской литературы обеспечивается ее территориальным разнообразием. В китайской

¹ Корнилов М. Н., Оукес Т. Провинциальные идентичности в Китае: оживление регионализма и воссоздание «китайскости» // Социальные и гуманитарные науки. Зарубеж. лит. Сер. 10, Китаеведение. 2001. № 4. С. 5.

² Там же. С. 9; Oakes T. China's Provincial: Reviving Regionalism and Reinventing “Chineseness” // The J. of Asian Studies. 2000. Vol. 59, № 3. P. 684, 686–687.

³ Чжан Цзяньхуа, Горлова Н. Китайский картофель и русские деревенщики [Электронный ресурс] // Лит. газ. 2003. № 46. С. 19–25. URL: <http://www.lgz.ru> (дата обращения: 05.04.2008).

критической литературе используется термин «заморская литература» — 海外文学 (*хайвай вэньсюэ*; 海外 дословно означает ‘за границей, заморский, заграничный, иностранный’), который частично соответствует понятию «китайская литература зарубежья». Такая литература включает в свою орбиту произведения эмигрантов или временно пребывающих за пределами КНР этнических китайцев. *Хайвай вэньсюэ* — это прежде всего литературные произведения китайских эмигрантов на китайском языке, а также произведения, написанные китайскими авторами во время их длительного пребывания за границей (например, учеба). В этом случае наряду с 海外文学 используется термин 新移民文学 (новая иммигрантская литература в составе литературы той страны, в которой китайский писатель-эмигрант проживает и пишет на китайском языке).

Хайвай вэньсюэ охватывает также произведения, написанные не на китайском языке этническими китайцами, которые являются гражданами другой страны или были рождены за пределами Китая, но воспитаны в китайской эмигрантской среде. Фактически последнюю категорию принято относить к «литературному пограничью»¹. Применительно к авторам пограничья зачастую используется слово 华裔 (*хуа-и* — ‘китаец по крови, китайского происхождения’) или 华侨 (*хуацяо* — ‘китаец, проживающий за границей’). *Хуацяо* чаще применяется в случаях, когда речь идет о тех, кто сохраняет гражданство КНР, а их патриотическая настроенность, национальная и этническая идентичность однозначно определяется как китайская. В данном учебно-методическом пособии в соответствии с традицией, принятой в китайском литературоведении, пограничная литература рассматривается как часть «заморской».

К «заморской» литературе часто относят нематериковую литературу Тайваня, Сянгана и Аомыня. Во-первых, это обусловлено географическим положением: остров Тайвань отделен от материка Тайваньским проливом и фактически находится за морем. Во-вторых, это объясняется политическим статусом данных территорий: Сянган и Аомынь, лишь в 1997 и 1999 гг. соответственно, вновь вошли в состав КНР, а дипломатические связи между КНР и США были установлены только в 1978 г., после чего территориальную целостность Китая и статус Тайваня как провинции признали и другие государства. Неоспорим тот факт, что долгое время данный регион находился под сильным влиянием культурной традиции западной цивилизации.

¹ Глостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М., 2000.

Неоднородный состав современной китайской литературы и ее развитие соответствуют концепции «двух Китаев», выдвинутой профессором китайской философии и истории Ван Гайу в 1982 г., согласно которой следует разделять «культурный Китай» и «геополитический Китай». Появление и популярность данной концепции является следствием «синдрома Срединной империи» как ответа на попытки вестернизации, а «культурный Китай» на данный момент включает три составляющие: «КНР, Сянган, Тайвань, Сингапур; прилежащие к Китаю страны с высокой долей родственного китайцам населения; рассеянные по всему остальному миру носители китайской культуры»¹. Эта концепция соотносится с тем, что вся современная литература на китайском языке регионально делится на литературу материкового Китая (大陆文学); литературу Тайваня, Гонконга, Макао (台港澳文学); литературу китайского зарубежья.

Приметы национальной идентичности наиболее контрастно выделяются в азиато-американской пограничной литературе на английском языке и в литературе китайского зарубежья на китайском языке. В первом случае превалирует этническая идентичность, которая чаще всего не тождественна национальной, а во втором национальная и этническая идентичность совпадают. Степень значимости общности истории, проявления национального менталитета, соблюдения традиций и обычаев может варьироваться в зависимости от того, в каком возрасте автор переехал за границу, было ли это его сознательным или чужим выбором либо стечением обстоятельств. В случае если будущий писатель родился и воспитывался в смешанном браке либо попал в иноязычную среду, будучи ребенком, то он чаще всего является билингом, а его творчество отражает гибридную идентичность, проецируя в художественный текст двойственность языковой картины мира.

Кроме того, нельзя совершенно игнорировать, каким образом определяют свою идентичность авторы несмотря на то, что такая позиция является спорной. С одной стороны, самоопределение может быть результатом сознательной мистификации или даже заблуждения. С другой — Л. Н. Гумилев выдвигает *ощущение* как основной критерий этнической диагностики и подчеркивает, что «принадлежность к тому или иному этносу воспринимается самим субъектом непосредственно, а окружающими констатируется как факт, не подлежащий сомнению»².

¹ Корнилов М. Н. Сиба Есинобу: существует ли «chineseness»? «Китайский характер» в исторической перспективе // Соц. и гуманитар. науки. Зарубеж. лит. Сер. 10, Китаеведение. 2001. № 1. С. 77, 79.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М., 2007. С. 19, 46.

Творчество известной американской писательницы китайского происхождения Эми Тан, автора таких известных романов, как «Клуб радости и удачи», «Сто тайных чувств», «Дочь костоправа», сочетает в себе историзм, стремление к поиску национальных корней, влияние идей конфуцианства, даосизма и буддизма, особенности национальной психологии китайцев, отраженные в чертах героев, использование традиционной космоонтологической модели. Но Эми Тан против причисления себя к «литературному гетто» писателей китайского происхождения¹. Она создает произведения на английском языке, ее творчество относится к литературе пограничья, и, несмотря на национальное самоопределение Эми Тан, в ее произведениях четко отражена китайская национальная картина мира.

Исследование творчества Чжан Лин как представительницы эмигрантской прозы способствует выявлению новых тенденций в развитии современной китайской литературы. Она живет и работает в Торонто, пишет на китайском языке. Свой творческий путь Чжан Лин начала уже после приезда в Канаду в качестве студентки. Она, как и большинство китайских эмигрантов, никогда не теряла своей связи с родиной. В отличие от Эми Тан творчество Чжан Лин представляется национально однозначно определенным. В эссе «Заметки о мытье» Чжан Лин пишет о духовной связи с малой Родиной: «Я поступила в университет, сначала покинула родной город, потом уехала из страны, долго скиталась по миру, мне довелось пожить в шести городах и пятнадцать раз сменить жилье. Вдали от дома я переживала времена, когда у меня не было ни денег, ни любви, ни дружеской поддержки, встречала очень много упорно ищущих и также упорно теряющих людей. Часто, проснувшись и увидев звездное небо за окном, не знала, где нахожусь. Когда засыпала ночью, передо мной оказывалась та дорожка перед домом, вымощенная брусчаткой, и тот старый колодец в конце переулка, запечатлевший превратности очень многих человеческих судеб»².

В произведениях представителей «материковой» литературы проблема национального самоопределения присутствует, однако в ней затрагиваются несколько отличные от литературы *хуацяо* стороны того же вопроса. Целый ряд современных китайских писателей (в особенности представители национальных меньшинств) придают вопросу национального самоопределения исключительную важность и рас-

¹ Tan A. The Opposite of Fate: Memories of a Writing Life. NY, 2003. P. 306–307.

² 张翎。随笔：杂忆洗澡（*Чжан Лин*。Эссе：заметки о мытье [Электронный ресурс]。URL: http://wxs.hi2net.com/home/news_read.asp?newsid=9245 (дата обращения: 10.02.2014).

смаатривают его и применительно к китайскому этносу, и глобально. Историзм с китайской спецификой укрепляется повсеместными мотивами исторической памяти, поиска культурных корней и др. Мо Янь отмечает, что в процессе литературного творчества «не думал о том, что должен, используя прозу, сохранять азиатскую культуру. К тому же прозе не вынести на себе такое тяжелое бремя. Будучи китайским писателем, я думаю, что это неизбежно — черпать пищу для творчества в местной культуре и непременно находить источники для творчества в народной жизни. Основная цель — написание прозы, содержащей в себе китайскую специфику и индивидуальность. Но, возможно, объективно такое старание как раз и обладает функцией сохранения азиатской культуры»¹. (В этом случае выражение *азиатская культура* (культура Азии) тождественно словосочетанию *китайская культура* из-за территориального преимущества в данной части света.)

По мнению Мо Яня, своеобразие восточной литературы, в отличие от мировой, заключается в различии содержания и различии наследия («литературной традиции»²). Кроме внешних признаков своеобразия восточной литературы он отмечает наличие восточного колорита в произведении искусства, который очевидно ощутим, но его трудно выразить в конкретных терминах и категориях.

Для изучения национальной специфики в литературе и выявления особенностей национальной идентичности мы обращаемся к произведениям литературного пограничья, поскольку оно в наибольшей степени испытывает влияние современного мультикультурализма.

К понятиям *культурного пограничья*, *литературного пограничья* обращается М. В. Тлостанова, которая исследует проблему мультикультурализма и литературы США XX в. и освещает азиатско-американскую и китайско-американскую традиции. М. В. Тлостанова выделяет литературу пограничья как элемент национальной традиции, а также подчеркивает ее значение в формировании современной мультикультурной парадигмы. Исследовательница указывает, что культурное пограничье «может быть определено и во временном, и в пространственном смысле как изменчивое взаимодействие традиционного и современного начал внутри культуры»³. Понятие культурного пограничья может исключать географическую локализацию и переносится в сознание «человека границы», по словам М. В. Тлостановой, «существующего на грани

¹ 莫言。碎语文学。北京：作家出版社，2012。页280 (Мо Янь. Осколочная литература. Пекин, 2012. С. 280).

² Там же. С. 282.

³ Тлостанова М. В. Проблема мультикультурализма ... С. 12, 346.

культурной трансгрессии, между культур, времен, среди языков, в состоянии постоянного пересечения границ, где групповая культурная идентификация постоянно противоборствует с личностной»¹. Понятие «пограничье» обосновывается в книге Глории Анзалдуа², а к мультикультурной проблематике ранее обращались, например, такие российские исследователи, как А. В. Ващенко³, Т. В. Воронченко⁴.

Для развития азиатско-американского литературного движения исключительное значение имеет творчество Максина Хонг Кингстон (Maxine Hong Kingston, 湯婷婷), Гиш Джен (Gish Jen, 任碧蓮), Эми Тан (Amy Tan, 譚恩美), Джейд Сноу Вонг (Jade Snow Wong, 黃玉雪), Фрэнка Чина (Frank Chin, 趙建秀), Суй Син Фар (псевд. Эдит Итон, Edith Maude Eaton, 水仙花), Хань Суинь (Han Suyin, 韓素音), Ха Цзиня (Ha Jin, 哈金) и др.

В рамках литературного пограничья в последние несколько десятилетий доступными для русскоязычного читателя стали не только произведения китайско-американской прозы (Мин Анчи – Anchee Min, 閔安琪; Лиса Си – Lisa See; Эми Тан; Цю Сяолун – Qui Xiaolong, 裘小龙; Эми Чуа – Amy L. Chua, 蔡美儿), но и китайско-французской прозы (Дай Сыцзе – 戴思杰; Шань Са – 山飒), прозы китайских эмигрантов в Великобритании (Го Сяолу – Guo Xiaolu, 郭小橈, Юн Чжан – Jung Chang, 张戎) и др.

По словам М. В. Глостановой, «проблема пограничья неизбежно выходит за рамки американского и панамериканского контекстов, находя глубоко своеобразное выражение и в культуре европейских стран, прежде всего Франции, Великобритании, а также в значительной мере актуализируется в последние годы и в контексте Восточной и Центральной Европы, нередко пересекая границы отдельных национальных культур, все чаще оперируя в глобальном мировом масштабе»⁵. Понятие *мультикультуры* и явление *мультикультурализма* исключительно актуальны при описании литературы Китая, поскольку она включает значительный сегмент литературы зарубежья.

¹ Глостанова М. В. Проблема мультикультурализма ... С. 12.

² Anzaldúa G. Borderlands / La Frontera: The New Mestiza. San Francisco, 1987.

³ Ващенко А. В. Мексикано-американская (чикано) этническая литература на пути к трансграничью // Язык, словесность, культура. М., 2013. № 2–3. С. 69–80.

⁴ Воронченко Т. В. Синтез культур в историческом развитии юго-запада США (на материале мексикано-американской литературы) // Гуманит. вектор. Сер.: Педагогика, психология. 2010. № 4. С. 118–121.

⁵ Глостанова М. В. Проблема мультикультурализма ... С. 4.

Эмигрантская литература на китайском языке адресована китайскому читателю, а не западноевропейскому или американскому (в отличие от азиатско-американской пограничной литературы на английском языке). Она лишена экзотизма как инородного и противоестественного начала, который встречается в китайско-американской прозе и способствует формированию стереотипа восприятия традиционных культурных ценностей страны. Литература китайского зарубежья представлена произведениями китайцев, проживающих за рубежом, главным образом в США и Канаде: произведения Ван Жуйюнь (王瑞芸), Су Хэ (苏河), Хун Ин (虹影), Чжан Лин (张翎), Чжан Хойвэнь (张惠雯), Чэнь Хэ (陈河), Чэнь Цянь (陈谦), Шао Дань (邵丹), Юань Цзинмэй (袁劲梅), Юй Сяодань (于晓丹), Янь Гэлин (严歌苓) и других писателей отражают двоякую национальную специфику. Межэтническая коммуникация называется на их культурном самоопределении. Провести четкую грань между культурной и этнической идентификацией не представляется возможным, они являются частями друг друга и в новой китайской эмигрантской литературе существуют в неразрывной связи. В данном случае язык — это определяющая часть национальной целостности, а культура, быт, история и подобное привносят свою специфику, что позволяет выделять такие произведения среди иных, но не отделять от китайской литературы в целом.

Проблема самоопределения актуальна для героя новейшей китайской литературы, в особенности литературы зарубежья в условиях современной мультикультурной парадигмы. Закономерным представляется и то, что «заморская» литература главным образом представлена авторами, проживающими в США и Канаде, так как вопросы национальной идентичности актуальны для современного американского и канадского общества, ведь и то, и другое (как и китайское) неоднородны по этническому составу. Например, современная канадская литература обращается к темам поиска себя, поиска Америки (как континента), гармонии с окружающим миром, поиска истинного национального характера. Желание отыскать корни характерно и для китайской литературы.

На китайскоязычную литературу эмигрантов влияют различные составляющие контекста новой среды, но культурная составляющая заслуживает большего внимания, нежели языковая. Новая обстановка, иные культурные условия создают предпосылки для творческого развития. Как отмечает исследователь и критик китайской литературы Хуан Ваньхуа, изменения и колебания, динамика, отраженные в литературе китайских эмигрантов, «естественно, вызваны не только диалогом с инородной культурой, но также связаны с действительностью и исто-

рической ситуацией китайского общества»¹. Таким образом, влияние национальной культурной традиции превалирует и остается доминирующим. По мнению Хуан Ваньхуа, «писатели китайского зарубежья, в отличие от писателей материкового Китая, выделяются в неоднородном по этническому составу национальном культурном пространстве. Они чаще совершают переходы между культурами Востока и Запада, и то, что они смотрят с точки зрения “пограничья”, как раз и является результатом такого рода состояния культурного выживания»².

Наряду с национальным своеобразием литература и искусство должны обладать всеобщей значимостью. Мо Янь подчеркивает, что китайская литература должна быть составной частью мировой литературы, а автору следует быть выше государственных и национальных границ и избегать чрезмерного акцентирования национального характера. Необходимо собирать и сохранять старые культурные традиции, чтобы использовать их для создания новой восточной культуры. Мо Янь полагает, что в настоящее время зарубежная культура не только влияет на китайскую литературу, но и, наоборот, сама испытывает ее влияние. Китайцам «следует принимать чужеземное, у нас должно быть глобальное видение и космополитичная душа, ведь только имея представление о том, что уже написали другие, мы можем описать то, чем мы не похожи на других»³.

В Нобелевской лекции лауреат премии 2000 г. по литературе Гао Синцзянь (高行健) заметил, что относится «с некоторым подозрением к тем современным писателям, которые слишком подчеркивают культуру собственной страны»⁴. В то же время, кроме передовых европейских литературных течений, например, таких как театр абсурда, нельзя отрицать влияния традиционной китайской философии и культуры, в частности чань-буддизма, на формирование стиля писателя⁵. Анализируя

¹ 黄万华. 视角越界: 海外华人文学中的叙事身份 (Хуан Ваньхуа. Трансграничная перспектива: личность повествователя в литературе китайского зарубежья [Электронный ресурс]. URL: <http://www.literature.org.cn/Article.aspx?ID=12547> (дата обращения: 26.04.2014)).

² 黄万华. 视角越界: 海外华人文学中的叙事身份 (Хуан Ваньхуа. Трансграничная перспектива).

³ 莫言. 碎语文学. 北京: 作家出版社, 2012. 页281. (Мо Янь. Осколочная литература. С. 281).

⁴ 高 行 健. 权利 文学 存 在. 诺 贝 尔 讲 座 2000 [Электронный ресурс] // Звезда. 2001. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/10/gao.html> (дата обращения: 10.12.2014).

⁵ Дерепа Д. А. «Остановка» Гао Синцзяня // Слово и мудрость Востока. Литература, фольклор, культура: к 60-летию академика А. Б. Куделина / отв. ред. Н. И. Никулин. М., 2006. С. 412.

его пьесу «Автобусная остановка», Д. А. Дерепя говорит о значительном, но не безраздельном влиянии европейской драматургии, а «главная ценность сюжета и образов кроется именно в восточном построении образов и сюжетных ходов, уходящем своими корнями в средневековую культуру уличных представлений и в обширный пласт драматургии эпох Сун (960–1279) и Юань (1279–1368)»¹.

Китайской литературе не обойтись без современного национализма с китайской спецификой, направленного на возрождение идеи национального величия, но она должна быть лишена крайнего этноцентризма и декларативности. Гао Синцзянь отрицательно оценивает «готовую этикетку, на которой четко указана его (писателя. – А. Б.) национальная принадлежность»². Творчество должно характеризоваться транснациональной и внеязыковой значимостью. Писатель уверен, что добился признания и вывел китайскую литературу на достойную арену потому, что не принадлежал ни к каким политическим фракциям и литературным течениям, а был представителем «чистого» искусства³. Являясь гражданином Франции, Гао Синцзянь пишет на родном языке. Его творчество иллюстрирует представление Г. Д. Гачева о существовании единой «общечеловеческой литературы», но на разных национальных языках⁴.

Со стороны культуры существует ассимиляция, но интеллигенция многих стран, включая китайскую, призывает к сохранению культурных различий. С одной стороны, должен быть обмен, взаимное обучение, а с другой – следует старательно беречь самобытность. Так, результатом консолидации китайской национальной литературы становится самостоятельный выбор дальнейшего пути развития, который сочетает исконно китайские традиции и чужеземное новаторство. Для формирования новой культурной парадигмы современного Китая одинаково важны и представления китайских философов Древности, и идейная платформа Движения 4 мая и литературной революции, и изменения в общественном сознании в период модернизации. Китайская литература интегрируется в мировой литературный процесс, не утрачивая национального своеобразия.

¹ Дерепя Д. А. «Остановка». С. 412, 423.

² Гао Синцзянь. Право литературы на существование ...

³ Там же.

⁴ Национальная специфика литературы – анахронизм или неотъемлемое качество? [Электронный ресурс] / Л. А. Аннинский [и др.]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/9/konf.html> (дата обращения: 08.10.2003).

В начале XXI в. китайская словесность представлена тремя основными литературами: 1) собственно китайской; 2) китайскоязычной эмигрантской (литературой зарубежья); 3) пограничной.

Детальнее сегментацию китайской литературы можно представить следующим образом.

Основные сегменты
современной китайской литературы

Связующей доминантой для всех элементов выступают особенности национального характера (холизм, коллективизм, фамилизм, прагматизм и др.), конкретно-образная структура мышления, культурный синкретизм, историзм с представлением о циклично направленном времени и стремление к сохранению самобытности. В начале XXI в. литература Тайваня, Гонконга и Макао представляет словесность, которая развивается на китайской территории, преимущественно находящейся «за морем». В настоящий момент де-факто она относится к региональной литературе Китая, что обусловлено не только диалектными особенностями языка, но в первую очередь контекстом социально-исторического и экономического путей развития данного региона и, как следствие, отличиями мировоззрения и общественных настроений по сравнению с представителями материкового Китая. Однако литература Тайваня, Сянгана и Аомыня до объявления «политики открытых дверей» относится к «заморской» составляющей китайской словесности и рассматривается в контексте китайской литературы зарубежья.

Приметы национальной специфики присутствуют в творчестве представителей всех трех составляющих китайской литературы. Различно лишь индивидуальное соотношение акцентов в каждом случае. Проявление идентификационных черт, особенностей национального менталитета, национального образа мира особенно рельефно вырисовывается в контексте китайской иммигрантской прозы. Наряду с полифонией внутри литературы Китая наблюдается тенденция сближения всей мировой китайскоязычной словесности, которая интегрируется в мировой литературный процесс, не утрачивая национального своеобразия.

Вопросы и задания для самостоятельной подготовки и обсуждения

1. Полифонизм современной китайской прозы: течения, школы, направления, представители: литература «шрамов» / литература дум о прошедшем; литература «каменной стены»; литература грамотной молодежи; литература реформ; литература поиска корней; авангардизм с китайской спецификой; поток сознания с китайской спецификой; магический реализм с китайской спецификой; модернизм с китайской спецификой; постмодернизм с китайской спецификой; деревенская проза с китайской спецификой; городская проза с китайской спецификой; сетевая литература; научная фантастика и др.

2. Осмысление роли и места литератора в обществе китайскоязычными нобелевскими лауреатами по литературе:

- Нобелевская лекция Гао Синцзяня «Право литературы на существование» (2000);

- Нобелевская лекция Мо Яня «Человек, рассказывающий истории» (2012);

3. Аналитический обзор литературоведческих работ современных китайских исследователей:

- народная литература как отражение культурного самосознания и процессы ее развития с Древности до настоящего времени в монографии Дуань Баолиня «Китайская народная литература» (2019);

- неоднородность перехода от современной китайской литературы к новейшей в контексте историзации на материале монографии Чэнь Сяомина «Тенденции новейшей китайской литературы» (2019).

4. Охарактеризуйте нижеперечисленные виды литературы:

- азиато-американская;
- китайско-американская;
- литература пограничья;
- литература зарубежья;
- эмигрантская;
- иммигрантская;
- «материковая»;
- региональная;
- нематериковая.

5. Переведите на русский/белорусский язык и поясните значение следующих понятий в контексте внутренней и внешней полифонии современной китайской литературы: 海外文学、新移民文学、华侨、华裔、海外华人文学、海外华文文学、海外非华文文学、大陆文学、台港澳文学、乡愁文学、留学生文学、区域文学、跨文化交流、全球化、多元文化、文化多元主义。

1.3. Китайская литература зарубежья: ведущие тенденции развития

Литература китайского зарубежья содержит богатый материал для выявления и анализа *chineseness* в целом и национальной специфики литературы в частности, так как в ней в наибольшей степени находят отражение актуальные в настоящее время процессы глобализации и межкультурного взаимодействия. В условиях современной мультикультурной парадигмы для героя данной литературы очень важен вопрос самоопределения, а ее развитие является составляющей культурного возрождения Китая. Возникновение эмигрантской литературы относят к началу XX в.¹ Связано это именно с появлением категории «заморской» литературы. История развития данного компонента китайской словесности насчитывает чуть более ста лет. Первыми произведениями эмигрантской литературы называют научно-публицистические сочинения Лян Цицао (梁启超), опубликованные в общественно-политическом альманахе «Обновление народа» («新民丛报», 1902, Иокогама)². Лян Цицао являлся одним из лидеров либерального реформаторского движения в Китае конца XIX — начала XX в. и после провала «Ста дней реформ» был вынужден эмигрировать в Японию.

В начале и середине XX в. многие представители китайской интеллигенции выезжали за рубеж, где и был создан ряд произведений, имеющих высокую художественную ценность. В их творчестве нашел отражение бесценный опыт сравнения исконно китайской и западной культур, что обогатило и придало чувственность их интерпретации мира и общества³. В ряду китайцев, на чье творчество оказал влияние опыт пребывания за границей, отдельно стоят Го Можо (郭沫若) (пять лет учебы в Токио), Ай Цин (艾青) (несколько лет во Франции), Юй

¹ Holden L. Chasing Amy // City Weekend. Beijing, 2007. Vol. 6, iss. 5. P. 13–15.

² 刘静。海外华文文学成为中国文学新力量 (文学新观察) (Лю Цзин. Литература зарубежья на китайском языке становится новой силой китайской литературы (новый обзор) [Электронный ресурс]. URL: http://paper.people.com.cn/mrbhwb/html/2013-07/12/content_1267858.htm (дата доступа: 10.04.2014); 杨常胜。百年来海外华人作家创作扫描 // 研究与探讨。2012. № 4 (Ян Чаншэн. Обзор творчества китайских писателей зарубежья за последние сто лет [Электронный ресурс] // Исслед. и изучение. 2012. № 4. URL: <http://qwgzzy.gqb.gov.cn/yjyt/167/2074.shtml> (дата обращения: 24.03.2015)).

³ 贺文玄。海外华人作家一百年: 挣扎在非母语圈的愁与恋 (Хэ Вэньсюань. Столетие китайских писателей-эмигрантов: преодолевая тоску и привязанность в иноязычном окружении [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eujx.com/eujx/1/ReadNews.asp?NewsID=1545> (дата обращения: 10.04.2014)).

Дафу (郁达夫) (Токийский Императорский университет), Лао Шэ (老舍) (Англия, Сингапур), Вэнь Идо (闻一多) (несколько лет жил в США, где изучал литературу и живопись), Сюй Цзе (徐讦) (несколько лет в США), Чжао Шуся (赵舒侠) (гражданка Швейцарии), Лян Шицю (梁实秋) (учеба в США), Линь Юйтан (林语堂) (магистратура в Гарварде, аспирантура в Лейпциге) и многие другие представители китайской литературы. Их работы, в свою очередь, повлияли на дальнейшее развитие как художественной литературы китайского зарубежья, так и литературной критики китайской эмигрантской прозы. Новые образы и персонажи литературы *хайвай* были призваны раскрыть образ Китая для иностранцев и описать другие страны для китайцев. Тем более, что согласно бытовавшим в народе стереотипам, представление о «заморских» странах все еще сохраняло варварские черты. Многие авторы пытались совместить творческие методы китайской и западной литературных традиций, синтезировать традиционное культурное содержание с новаторскими тенденциями, заимствованными у западно-европейской литературы.

В 1960–70-е гг. отмечается подъем в развитии «заморской» литературы, что связано с изменениями и колебаниями политической обстановки Китая в этот период. Но основным событием, вызвавшим этот рост, явилась культурная революция (1966–1976). Ей предшествовали провал Большого скачка (1958–1959), кратковременное «потепление» в литературе, связанное с реабилитацией части писателей в 1960–1962 гг., и повторное возвращение политического курса в области литературы на позиции левого изоляционизма с призывом «никогда не забывать о классовой борьбе»¹. «Материковая» литература была полностью подчинена политике. Многие представители китайской интеллигенции в поисках стабильного положения покидали материковый Китай и уезжали, некоторые – ближе (Тайвань, Гонконг, Макао), другие – дальше (США, Канада). Тема тоски по родине (乡愁 – *сянчоу*) становится исключительно актуальной в этот период и задает главное направление в литературном творчестве. Произведения писателей в зарубежье представляют сплав китайской и западной традиции, авторы используют опыт художественной прозы и поэзии западного образца. В этот период пишут Юй Гуанчжун (余光中), Бай Сяньюн (白先勇), Чэнь Дачжэ (陈大哲), Не Хуалин (聂华苓), Чэнь Жуоси (陈若曦) и др.²

¹Серебряков Е. А., Родионов А. А., Родионова О. П. Справочник по истории литературы Китая ... С. 217.

²贺文玄。海外华人作家一百年：挣扎在非母语圈的愁与恋 (Хэ Вэньсюань. Столетие китайских писателей-эмигрантов ...).

В 1960–70-е гг. намечается тенденция к индигенизации, с одной стороны, связанная с попытками переосмысления национальной действительности и истории, с другой – возникающая как ответ на процессы вестернизации и глобализации. Более точно это явление отражено в китайском термине 本土化 – *бэньтухуа*¹, что отражает тенденцию к последовательному продвижению гармоничной модели культуры, присущей определенной местности, своеобразную попытку возвращения к корням. В этот период писатели стараются отойти от шаблонов и традиционных образцов, заимствованных еще в классической литературе, и придать больше реалистичности и остроты своим произведениям. По-прежнему преобладает «ностальгическая литература» (乡愁文学), но наряду с ней развивается и «литература учившихся за границей» (留学生文学), представленная новым поколением².

В конце 1970–80-х гг. отмечается возрождение «не-западных» культур во всем мире. Это явление С. Хантингтон называет индигенизацией. Он отмечает, что «индигенизации способствует демократический парадокс: принятие не-западными обществами западных демократических институтов поощряет и дает дорогу к власти национальным и антизападным политическим движениям»³, что способствует возрождению идеи национального величия. В Китае это было связано с началом реформ Дэн Сяопина (1978) и последовавшими далее четырьмя модернизациями. Для развития китайской литературы мощным толчком послужило Тяньаньмыньское движение (5 апреля 1976 г.) и официальный призыв руководства к «раскрепощению сознания» (解放思想), выдвинутый на III пленуме ЦК КПК (1978). В 1980-е гг. китайская «материковая» литература вошла в стадию активного развития. «Заморская» литература этого же периода, напротив, по разным причинам испытывает небольшой спад. Это вызвано тем, что старшее поколение постепенно покидает литературную арену, а у нового нет такого импульса к развитию, поэтому данное десятилетие не отмечено новыми именами в области литературы зарубежья. Потомки китайских эмигрантов постепенно культурно ассимилируются с местной средой. Вместе с тем Китай начинает активно экономически развиваться, что резко сокращает количество желающих покинуть Родину, и эмигрантская литература теряет источники новых сил.

¹刘静。海外华文文学成为中国文学新力量(文学新观察)(Лю Цзин. Литература зарубежья на китайском языке ...).

²Серебряков Е. А., Родионов А. А., Родионова О. П. Справочник по истории литературы Китая ... С. 235.

³Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2011. С. 130, 135.

В 1990-е гг. резко увеличивается количество студентов, выезжающих на обучение за границу. Китайское правительство всячески содействует молодежи в изучении иностранного опыта во всех сферах науки, поощряет образование и создает все условия, чтобы молодые китайцы возвращались в КНР. Другая часть интеллигенции после событий на площади Тяньаньмэнь (4 июня 1989 г.) и участия в протестах демократической молодежи покидает Китай вынужденно, вследствие разногласий с официальными властями. Например, Ма Цзянь (马建, 1953 г. р.) эмигрировал в Гонконг в 1989 г., в 1997 г. переехал в Германию, с 1999 г. живет и работает в Англии, автор романов («Бордо» («思惑»), «Темная дорога» («阴之道») и др.) и эссе («Дорога Ма Цзяня» («马建之路»), «Глубокая связь» («发生关系») и др.). Бэй Дао (北岛, 1949 г. р.), поэт, прозаик и эссеист, один из основателей направления «туманной» поэзии, неоднократный номинант на Нобелевскую премию по литературе, в 1989 г. уехал из Китая. Он получил возможность вернуться только более пятнадцати лет спустя, в течение которых ему довелось жить в Германии, Франции, Швеции и других странах Европы; с 2006 г. живет и работает в Китае, автор ряда поэтических и прозаических сборников («Колебания» / «波动», «Избранное Бэй Дао» / «北岛诗选»), «Давний снег» / «旧雪» и др.).

Какова бы ни была причина отъезда, многие эмигранты возвращаются. Но даже оставшись на постоянное место жительства за границей и получив иностранное гражданство, они не порывают связь с родиной, а страна может рассчитывать на их помощь и опыт. Таким образом, количество пишущей молодежи среди эмигрантов значительно увеличивается. Ниже приведены краткие сведения об авторах, получивших образование за рубежом. Их творчество относится к литературе зарубежья.

Янь Чжэнь (阎真, 1957 г. р.) после окончания магистратуры по литературе Хунаньского педагогического университета прошел обучение на социологическом факультете Университета св. Иоанна в Канаде, вернулся на родину, с 2011 г. — заместитель председателя общества писателей провинции Хунань (романы «Как-то на краю света» / «曾在天涯», «Чистые воды реки Цанлан...» / «沧浪之水» и др.). Чжан Лин (张翎, 1957 г. р.) окончила факультет зарубежной литературы Фуданьского университета, магистратуру по литературе в Калгари (Канада) и магистратуру по реабилитации после болезни органов слуха в Цинциннати, обосновалась в Торонто (романы «Невеста по почте», «Полнолуние» и др.). Чжа Цзяньин (查建英, 1959 г. р.) окончила Пекинский университет, магистратуру по английскому языку Университета Южной Каролины и магистратуру по сравнительному литературоведению Колумбийского университета (сб. эссе «О всякой всячине» / «说东道西», культурологические заметки «Интервью у 80-х» / «八十年代访谈录» и др.).

Чжун Сяоян (钟晓阳, 1962 г. р.) окончила колледж Сан-Марино (Гонконг), Мичиганский университет, обосновалась в Австралии (сб. рассказов «Любимая жена» / «爱妻», «Обычная жизнь» / «普通的生活», роман «Парковка взаимности» / «停车暂借问» и др.). Янь Гэлин (严歌苓, 1958 г. р.) окончила литературный факультет Колумбийского института искусств, живет и работает в США (романы «Зеленая кровь» / «绿血», «Фусан» / «扶桑» и др.).

В эмигрантской литературе большое внимание уделяется раздумьям о судьбе и душевном состоянии иммигранта (приехавшего из Китая этнического китайца, ставшего жителем США или Канады), который оказался между двух культур, еще не готов их синтезировать и изо всех сил борется за выживание. Показательны произведения «По ту сторону океана» («海那边») Янь Гэлин, «Встречные берега» («交错的彼岸») Чжан Лин, «15 лет в Америке» («美国十五年») Шэнь Нин (沈宁), «Покаяние» («人生自白») Шао Цзюня (少君)¹.

В творчестве писателей этого периода отражается как характерная для литературы зарубежья ностальгия, так и новое чувство времени, ощущение динамики современного бытия, что выражается в сюжетном разнообразии. В прозе зарубежья активно используется колорит местной социально-бытовой сферы, заметно влияние среды иноязычного общения, которое проявляется в используемых средствах выразительности и языковых особенностях.

Состояние литературы зарубежья на китайском языке в 1990-е гг. сравнивают с состоянием гипоксии². Во-первых, это связано с тем, что авторы периодически перестают использовать родной язык. Во-вторых, в силу территориальной разобщенности и неоднородности у пишущего сообщества китайских эмигрантов нет налаженных контактов и соответствующего взаимодействия с литературными кругами материкового Китая. В-третьих, новая эмигрантская литература мало распространена среди широкой китайскоязычной читательской аудитории. Так, по причинам внешним и внутренним в начале и середине 1990-х гг. проза зарубежья на китайском языке оказывается в изоляции.

Несмотря на это, в конце 1990-х гг. и начале XXI в. в китайской эмигрантской прозе наблюдается новый подъем, который характеризуется феминизированностью, более высокой степенью открытости и доступности для читателя, ростом профессиональной консолидации и связан

¹刘静. 海外华文文学成为中国文学新力量 (文学新观察) (Лю Цзин. Литература зарубежья на китайском языке ...).

²贺文玄. 海外华人作家一百年: 挣扎在非母语圈的愁与恋 (Хэ Вэньсюань. Столетие китайских писателей-эмигрантов ...).

с именами Ван Жуйюнь (王瑞芸), Су Хэ (苏河), Хун Ин (虹影), Чжан Лин (张翎), Чжан Хойвэнь (张惠雯), Чэнь Жуйлинь (陈瑞琳), Чэнь Хэ (陈河), Чэнь Цянь (陈谦), Шао Дань (邵丹), Юань Цзинмэй (袁劲梅), Юй Сяодань (于晓丹), Янь Гэлин (严歌苓) и др.¹ Влияние феминной культуры на китайскую литературу проявляется и в увеличении количества женщин, занимающихся творчеством, и в том, что все чаще они становятся главными героинями. Во второй половине XX в. женская проза официально выделяется как явление в контексте современной литературы Китая и свидетельствует о том, что в современном китайском обществе все более высоким спросом пользуется женская литература. Предпосылкой к этому явилось ускоренное развитие Китая во всех сферах жизни, успешное развитие международных отношений, которое дало толчок развитию общественной мысли в новом направлении. О. В. Почагина пишет: «Сравнительный анализ традиционной и посттрадиционной моделей семейной организации в Китае дает возможность реально оценить кардинальность перемен», и одной из последних является изменение представлений о гендерных ролях внутри семьи². В таких условиях идея женской эмансипации приобретает все большее значение в китайском обществе, что находит отражение и в китайской литературе.

Значительное увеличение доли женщин среди писателей отмечается еще с начала XX в. В период становления новой литературы и разветвления Движения за новую культуру среди литераторов-женщин были известны Бин Синь (冰心), Лу Инь (庐隐), Лин Шухуа (凌叔华), Дин Лин (丁玲), Сяо Хун (萧红). В период Войны сопротивления Японии (1937–1945) и Гражданской войны (1946–1949) пишут Юань Цзин (袁静), Цао Мин (曹明), Бай Лан (白朗), Су Цин (苏青), Ян Цзян (杨绛). В это время начала свой творческий путь Чжан Айлин (张爱玲, Eileen Chang, 1920–1995). Большую часть жизни она провела в США, но литературной деятельностью занималась, пребывая на Родине, поэтому ее произведения не принято относить к иммигрантской литературе. Г. Гольдблатт отмечает творчество Дин Лин, которая, благодаря научным исследованиям женской психики и социального положения женщин, в 1930-е гг. стала «центральной литературной фигурой среди коммунистов»³.

¹刘静. 海外华文文学成为中国文学新力量 (文学新观察) (Лю Цзин. Литература зарубежья на китайском языке ...).

²Почагина О. В. Семья [в Китае]: новые формы – иные ценности [Электронный ресурс] // Отечеств. зап. 2008. № 3. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/analit06.php> (дата обращения: 01.03.2015).

³Гольдблатт Г. Современная китайская литература [Электронный ресурс]. URL: <http://sanwen.ru/2011/12/21/govard-goldblatt-i-sovremennaya-kita> (дата обращения: 06.06.2014).

Хун Цзычэн полагает, что «с точки зрения читателя и критика различия между женским и мужским литературным творчеством отнюдь не очевидны, но они также принимают активное участие в создании “литературы шрамов”, “литературы дум о прошлом”, “литературы поиска корней” и других литературных направлений»¹. В женской прозе 1980-х гг. отсутствуют попытки агрессивной репрезентации женской идентичности. В этот период выдвигаются понятия «литературное творчество писателей-женщин» (女作家创作) и «женская литература» (女性文学). Единственной характеристикой, которая позволяет относить произведение к женской литературе, является пол автора.

Развитие китайской женской прозы – это не только явление литературного процесса Китая, но и показатель общественно-исторического и социокультурного развития современной КНР. Отличительными чертами китайского феминизма Э. А. Синецкая считает связь с национальными корнями (*бэньтухуа* – ‘индигенизация’), опору на конфуцианские идеалы, а также отсутствие в китайском языке единого термина для обозначения феминизма (наиболее распространено понятие 女性主义)². В китайском обществе долгое время бытовали представления даже не о равенстве, а об отсутствии дифференциации полов. Хун Цзычэн отмечает, что на фоне развивающейся тенденции к десексуализации (используется термин 非性别化³) наблюдается возврат к традиционной культуре, которая предлагает привычный образ женщины, сложившийся в рамках конфуцианской традиции. Читатель «признает и приветствует» феминистскую манеру, а социальный статус и культурный опыт, наоборот, побуждают к проявлению женского начала, соответствующего традиционалистским взглядам⁴.

Со времени образования КНР среди женщин-прозаиков выделяют имена Ян Мо (杨沫), Ли На (李纳), Цзун Пу (宗璞), Ли Цзяньгун (李建彤). В этот же период происходит выделение региональной литературы Тайваня, Сянгана и Аомыня как неотъемлемой составляющей в корпусе всей китайской литературы. К нематериковой прозе относится твор-

¹女作家的创作 // 洪子诚. 中国当代文学史. 北京大学出版社, 1999. 页 357. (Творчество писательниц // Хун Цзычэн. История новейшей китайской литературы. Пекин, 1999. С. 357).

²Синецкая Э. А. О национальных особенностях китайского феминизма // Общество и государство в Китае: к 100-летию со дня рождения Л. И. Думана : материалы XXXLII науч. конф. / Ин-т востоковедения ; сост. и отв. ред. С. И. Блюмен. М., 2007. С. 335–352.

³女作家的创作 // 洪子诚. 中国当代文学史. 北京大学出版社, 1999. 页 358. (Творчество писательниц. С. 358).

⁴Там же.

чество Линь Хайинь (林海音), Юй Лихуа (於梨华), Цюн Яо (琼瑶), наиболее известны имена Сань Мао, Не Хуалин, Чэнь Жуоси. Не Хуалин (聂华苓, 1925 г. р.), уроженка Уханя, в 1949 г. вместе с матерью переехала на Тайвань, с 1964 г. живет в США, преподает в Университете Айовы. Ее роман «Шелковица и персик» («桑青与桃红», 1976) вошел в сотню лучших романов Азии, книга воспоминаний и эссе «Три жизни» («三生三世», 2007) посвящена трем периодам жизни Не Хуалин. В предисловии она пишет: «Я – дерево, с корнями на материке, стволом на Тайване и листвой в Айове»¹. Чэнь Жуоси (陈若曦, 1938 г. р.), уроженка Тайбэя, долгое время прожила в США, в 1960 г. совместно с Бай Сяньюном и Ван Вэньсином основала журнал «Современная литература» («现代文学»), в 1989 г. организовала Общество китайских писательниц зарубежья (海外华文女作家协会), с 1995 г. проживает на Тайване. Сань Мао (三毛, 1943–1991), уроженка Чунцина, выросла на Тайване, училась в Испании, много путешествовала, занималась фотографией, последние годы жизни провела на Тайване, где преподавала и писала², автор сборников рассказов и эссе («Истории Сахары» / «撒哈拉的故事», «Плачущий верблюд» / «哭泣的骆驼», «Сезон дождей больше не наступит» / «雨季不再来» и др.).

Предметом изображения многих писательниц становится семейная и бытовая жизнь женщин в новый исторический период. Эти произведения пользуются огромным успехом, часто экранизируются, поэтому принято говорить, что сейчас в литературном процессе Китая «преобладает женский дух»³. И в материковой, и в эмигрантской прозе популярностью пользуются воспоминания и автобиографические работы, в которых сконцентрирован опыт поколений, выросших во времена Мао, а написаны они после многих лет проживания за границей их авторов. По словам Вэй Хой, представление западного читателя о Китае было сформировано лишь ограниченным знанием прошлого: событиями культурной революции и временами феодализма, когда женщины были бесправны⁴.

¹ 聂华苓: 三生三世在水边 // 成都日报 (Не Хуалин: три жизни и три эпохи у кромки воды [Электронный ресурс] // Ежедневник Чэнду. URL: http://cdrb.newssc.org/html/2012-01/04/content_1470386.htm (дата обращения: 08.03.2015)).

² Дойникова Н. Сань Мао: странствия, любовь и литература [Электронный ресурс]. URL: <http://magazeta.com/2012/06/san-mao> (дата обращения: 08.03.2015).

³ Чжан Цзяньхуа, Горлова Н. Китайский картофель и русские деревенщики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lgz.ru> (дата обращения: 05.04.2008).

⁴ Egan A. The Publishing Deficit (Exporting Chinese novels to the West) // City Weekend. 2005. September 29 – October 12. P. 17.

Отметим, что среди авторитетных и известных представителей пограничной литературы, пишущих на английском, как и среди иммигрантов, пишущих на китайском, женщины составляют большинство. Среди них Эми Тан, Лиса Си, Юн Чжан, Мин Анчи, Максин Хонг Кингстон, Гиш Иен, Хань Суин (韩素音), Айрис Чан (张纯如), Эми Чуа (蔡美儿), Цзе Мин Мок (莫志明) и др.

В 2005 г. в серии «Библиотека без границ. Шедевры китайских писательниц» («跨区域华文女作家精品文库») вышли книги десяти представительниц китайской женской прозы. Географическое происхождение их творчества неоднородно. В серии представлена литература: 1) собственно китайского юго-восточного региона (Чжан Сяофэн (张晓风) – уроженка провинции Чжэцзян; Чжу Тяньсинь (朱天心) – уроженка провинции Шаньдун, окончила исторический факультет Тайваньского университета; Су Вэйчжэнь (苏伟贞) – уроженка Тайваня, проживает в провинции Гуандун); 2) нематериковая литература Тайваня (Чжу Тяньвэнь (朱天文), Ши Шуцин (施叔青), Ли Цзышу (黎紫书)); 3) литература эмигранток североамериканского региона (Чжан Лин (张翎) – Канада; Оуян Цзы (欧阳子) родилась в Хиросиме, жила на Тайване, переехала в США; Янь Гэлин (严歌苓) – уроженка Шанхая, гражданка США); 4) китайская литература в Малайзии (Чжун Ивэнь (钟怡雯)).

Эта серия книг свидетельствует о процессе литературной феминизации и является подтверждением того, что к «заморской» причисляется литература всех стран китайскоязычного ареала Азии на китайском языке, в том числе Сингапура и Малайзии, т. е. литература культурного Китая.

В начале XXI в. китайская эмигрантская литература преодолевает отстраненность от литературы метрополии. Однако степень самостоятельности и независимости данной составляющей воспринимается неоднозначно. Например, Юй Сю, сама являясь представительницей китайского литературного зарубежья, сравнивает его положение со статусом наложницы, который может порождать соответствующую заискивающую манеру поведения, чрезмерную осторожность и вынужденное ограничение свободы высказывания, а попытки избежать влияния подобной психологии требуют от авторов больших усилий и ответственности¹. Жун Жун, не отрицая таких внешних проблем,

¹ 宇秀. 跨界书写的“偏房”心态 // 2014年11月19日 于广州首届世界华文文学大会 (Юй Сю. Психологическое состояние «наложницы» трансграничного письма [Электронный ресурс] // Литература на китайском языке : материалы I Междунар. конф., Гуанчжоу, 19 нояб. 2014 г. URL: <http://www.overseaswindow.com/node/19977> (дата обращения: 03.02.2016)).

как недостаточное количество китайских издательств за границей, отсутствие рентабельности на книжном рынке, отмечает, что китайские авторы за рубежом «одновременно извлекают выгоду из курса политики реформ и открытости и получают подпитку от двух типов различных культур», а в ответ на чуждые изначальной природе вызовы и давление они «стали духовно богаче, чувствительнее, мягче» и своим творчеством демонстрируют «комбинированную конструкцию западной и восточной культур»¹.

Чжан Лин отмечает как отрицательные, так и положительные моменты проживания за границей. По словам писательницы, это освобождает для нее «эстетическое пространство», в котором воспоминания о родине приобретают особенную четкость, чистоту и глубину. Чжан Лин считает, что для китайских писателей зарубежья характерны некоторые общие черты. Превалирующее большинство из них не являются профессиональными писателями. Основная работа, которая может обеспечить постоянный доход, требует времени, таким образом, его не хватает на творчество. Но Чжан Лин видит в этом не только отрицательные моменты, в таких условиях «цели литературного творчества могут стать “чистыми”. ...Я в состоянии самостоятельно решать, о чем писать, как писать, когда писать»².

Другой общей чертой является удаленность, которая имеет не только географическое и пространственное значение. Китайские писатели за границей находятся в изоляции от обстановки, обычаев и нравов внутри родной страны. Они дистанцированы, во-первых, от тех событий, явлений и героев, о которых пишут, во-вторых, от китайскоязычной читательской аудитории, для которой предназначены их книги³. Слабо налажены связи с издательскими организациями, которые больше внимания уделяют «материковым» авторам. Но такая закрытость и нахождение в иноязычной среде способствуют рациональной, отстраненно-объективной переоценке привычных культурно-исторических и общественно-политических процессов, которые происходят на родине, и творческому переосмыслению устоявшихся мировоззренческих основ и понятий.

¹融融。《一代飞鸿》的出版及其它 (Жун Жун. О публикации «Поколения летящих лебедей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chinaqw.com/news/200706/29/77817.shtml> (дата обращения: 03.02.2016)).

²张翎。海外作家的特性 (Чжан Лин. Характерные черты писателей зарубежья [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_5b7c4c6c0100mk7e.html2011.03.28 (дата обращения: 10.04.2015)).

³张翎。海外作家的特性 (Чжан Лин. Характерные черты писателей зарубежья).

За последнее столетие черты новой литературы, обозначенные писателями со значительным опытом проживания за границей (Юй Дафу, Го Можо и др.), переросли в мощные тенденции¹. Ли Цзинцзе отмечает, что знаковым событием для китайской литературы стал выход в 2009 г. специального выпуска журнала «Народная литература», посвященного «новым авторам зарубежья», писателям, которые, уехав за границу, по-прежнему участвуют в литературной жизни страны. Это Чжан Лин, Янь Гэлин, Чэнь Хэ, Чжан Хуэйвэнь и Чэнь Цянь². Воздействие их художественных произведений на читателя во многом отличается от предыдущего поколения эмигрантов из-за различий в образовании, общем уровне культурной эрудиции, условиях жизни. В их произведениях не только сохраняется глубокое влияние родной культуры, контекст национальных цивилизационных основ, но и заметна реакция на столкновение с чужеродной культурной традицией. Наибольший резонанс благодаря экранизации получили книги Чжан Лин «Послешок» и Янь Гэлин «Тринадцать шпилек из Цзиньлина» («金陵十三钗»). Роман «Голодающая» («饥饿的女儿») Хун Ин переведен более чем на 30 языков. Представители новой эмигрантской литературы, ощутив на себе влияние глобализации, получили возможность переосмыслить различные стороны жизни китайцев³. Так, Бэй Дао продолжает возглавлять журнал «Сегодня» («今天»), который публикует произведения китайских писателей и поэтов, живущих по всему миру⁴.

Во втором десятилетии XXI в. имена ряда авторов приобретают известность благодаря присуждению литературных наград, проведению конференций и съездов писателей, публикациям в специальных изданиях и, безусловно, в интернете. В 2010 г. I премией Юй Дафу в числе

¹ Li Jingze. Speechless Literature [Electronic resource]. URL: <http://english.caixin.com/2010-01-10/100107027.html> (date of access: 13.02.2015).

² Там же; 陈瑞琳. 冲出中国当代文学的精神困境——试论海外“三驾马车”对当代华语文坛的现实意义 (Чэнь Жуйлин. Духовный тупик современной китайской литературы – актуальная значимость «тройки» зарубежья для современной литературы на китайском языке [Электронный ресурс]. URL: http://wx.hi2net.com/home/news_read.asp?newsid=48228 (дата обращения: 10.12.2014)).

³ 刘静. 海外华文文学成为中国文学新力量 (文学新观察) (Лю Цзин. Литература зарубежья на китайском языке становится новой силой китайской литературы (новый обзор) [Электронный ресурс]. URL: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2013-07/12/content_1267858.htm (дата обращения: 10.04.2014)).

⁴ Львовский С. Бэй Дао: «Первая половина XX века была для поэзии «золотым веком». Сейчас – время упадка». Интервью [Электронный ресурс]. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/17771/?expand=yes#expand> (дата обращения: 03.02.2016).

прочих были награждены представители литературы зарубежья. Гран-при за прозу средних форм удостоена повесть «Город в черно-белом кино» Чэнь Хэ (陈河) (писатель проживает в Канаде, 5 лет провел в Албании). Также вниманием жюри отмечен рассказ Чэнь Цянь (陈谦) (гражданка США). В 2012 г. Чжан Лин оказалась единственной представительницей зарубежья среди награжденных II премией Юй Дафу. Ее повесть «А-си идет в школу» («阿喜上学», 2009) разделила почетную награду за прозу средних форм с произведениями Лу Минь (鲁敏) и Фан Фан (方方). В этом же году в отобранный жюри финальный перечень из 15 рассказов и 14 повестей вошли произведения Чэнь Цянь и Чжан Вэйхой (张惠雯), также представительниц эмигрантской литературы¹.

В ноябре 2014 г. в Наньчане прошел Симпозиум по китайской новой эмигрантской литературе. Организационный комитет пояснил, что новая иммигрантская литература включает литературные произведения как любителей, так и профессиональных авторов, которые покидали Китай начиная с 1930-х гг., когда проводилась политика реформ и открытости. Инициатива по проведению исходила от китайско-американских писателей и ученых и была поддержана Канцелярией по делам хуацяо при Государственном совете КНР, Союзом китайских писателей и Обществом по изучению китайскоязычной литературы во всем мире. В симпозиуме приняли участие Чжан Лин, Янь Гэлин, Чэнь Жуйлинь, Хун Ин и др. Так, Хун Ин (гражданство Великобритании) считает, что новая иммигрантская литература отражает лишь смену места, где создается литературное произведение, «например, я нахожусь в Китае, а потом прилетаю в Англию, и сидя у себя дома в Англии, пишу историю о Китае»².

Литературный критик Хэ Шаоцзюнь отмечает, что развитие эмигрантской литературы имеет позитивную направленность именно по причине столкновения различных культур, а также потому, что ряды писателей-эмигрантов постоянно пополняются, и «у нас есть

¹第二届郁达夫小说奖颁奖典礼 (Церемония вручения наград II Премии Юй Дафу [Электронный ресурс]. URL: http://culture.ifeng.com/whrd/detail_2012_12/10/20015723_0.shtml (дата обращения: 12.04.2015)); 两位海外华人作家作品入选“郁达夫小说奖”终评 (Произведения двух китайских писателей-эмигрантов вошли в итоговый список номинантов Премии Юй Дафу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ihuawen.com/article/6176> (дата обращения: 12.04.2015)).

²王姣. 近百海外华人作家聚焦“中国新移民文学” (Ван Цзяо. Китайские писатели за рубежом в последние сто лет: концентрация в «новой китайской иммигрантской литературе» [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/book/2014-11/15/c_127213409.htm?prolongation=1 (дата обращения: 10.02.2015)).

все основания возлагать большие надежды на литературу китайского зарубежья»¹.

Китайская «заморская» литература в большей степени, чем литература материка, противостоит тенденциям к вестернизации, иллюстрирует лучшие национальные традиции и в то же время не отказывается от достижений западной культуры. Она отражает особенности китайского национального самосознания XXI в., одновременно сочетая попытки переосмысления истории с национальной самобытностью. Чэнь Жуйлин, будучи одновременно американской исследовательницей и китайской писательницей, высоко оценивает вклад китайских писателей зарубежья в развитие национальной литературы в целом. Выходу из духовного тупика, в который зашла новая китайская литература, может способствовать творчество «заморских» авторов, а именно «тройки зарубежья», представленной Янь Гэлин, Чжан Лин и Хун Ин².

Таким образом, развитие китайской эмигрантской литературы является результатом социально-политических и историко-культурных процессов, происходящих в Китае, и свидетельствует о многообразии форм внутри единого, цельного корпуса китайской литературы. Оставаясь транслятором складывавшегося веками этнонационального менталитета и традиций патриархальной конфуцианской культуры, она приобретает новые приметы.

Во-первых, в китайской литературе зарубежья и пограничья заметен процесс феминизации, который свидетельствует об изменениях традиционных представлений о роли женщины в семье и обществе (в «материковой» литературе доля произведений, написанных женщинами, гораздо меньше).

Во-вторых, большинство китайских писателей за рубежом поддерживают тесные контакты с Китаем и могут беспрепятственно въезжать на территорию КНР. Образ Родины перестает быть далеким, переходит из категории прошлого в настоящее, теряет ореол недоступности. «Тоска по родине» из магистральной темы превращается в распространенный мотив, во многом являющийся данью традиции.

В-третьих, в начале XXI в. китайская эмигрантская литература успешно преодолевает прежнюю культурную закрытость и сконцентрированность на внутренних проблемах. Следом за кросс-культурным

¹刘静。海外华文文学成为中国文学新力量(文学新观察)(*Лю Цзин*. Литература зарубежья на китайском языке ...).

²陈瑞琳。冲出中国当代文学的精神困境——试论海外“三驾马车”对当代华语文坛的现实意义(*Чэнь Жуйлин*. Духовный тупик современной китайской литературы ...).

взаимодействием (跨文化交流) все большую значимость приобретает изображение в литературе общечеловеческих ценностей. В условиях современных глобализационных процессов традиционной гомогенной культуре Китая приходится делать уступки в сторону гетерогенности. Юй Сю убеждена, что на смену повышенного внимания к исконно китайской культурной составляющей приходит влияние тенденций мультикультурализма (多元文化主义), а литература зарубежья позиционируется как «трансграничное письмо» (跨界书写), и кроме того, в настоящее время «истинная литература» должна быть не «трансграничной» (跨界 – 跨越 (‘переступить границу’)), а вовсе «без границ» (无界 – 无界)¹.

Наряду с культурной, т. е. духовной, открытостью налаживаются фактические связи с читательской аудиторией, издательствами. В университетах Китая вводятся специальные дисциплины, посвященные изучению творчества «заморских» авторов. Чем дальше, тем менее изолированно от всего корпуса китайской словесности воспринимается литература зарубежья. Кроме того, внутри литературного сообщества китайских писателей зарубежья наблюдается тенденция к консолидации.

Благодаря развитию прозы зарубежья и женской прозы современная китайская литература становится все более известной и востребованной читателями, а также восполняет дефицит «восточного», возникший в странах Запада и Европы². В начале XXI в. китайской литературе зарубежья удастся воплотить проект модернизации китайской культуры и литературы нового периода, важнейшим проявлением которого, по утверждению Н. К. Хузиятовой, является сближение с западным модернизмом и «формирование уважения к субъектности, осознание того, что субъективная творческая позиция писателя может быть понастоящему воплощена лишь в условиях открытости и всестороннего осовременивания. <...> ...В глобализированном мире человек не только не утратит своей индивидуальности, но обретет две неотторжимые друг от друга характеристики – как элемент национальный и элемент всечеловеческий»³.

Несмотря на различие субъективных оценок, китайское литературное сообщество солидарно в том, что в настоящее время разви-

¹字秀。跨界书写的“偏房”心态 // 2014年11月19日 于广州首届世界华文文学大会 (Юй Сю. Психологическое состояние «наложницы» трансграничного письма ...).

²Egan A. The Publishing Deficit ... P. 19.

³Хузиятова Н. К. Проекты «модернизации» современной китайской литературы в контексте глобализации // Вестн. ЧитГУ. 2008. № 4 (49). С. 84.

тие китайской словесности за рубежом не только жизнеспособно, но и перспективно. В XXI в. китайская литература получила возможность расширить границы, и сегодня она включает не только произведения писателей и поэтов из КНР, но и из Сингапура, других государств южной Азии, Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии. Китайская литература зарубежья отражает культурно-исторические и социально-политические изменения не только внутри страны, но и в мире, «ассимилируя» их с традиционностью литературной мысли Китая, оберегая этнонациональные доминанты, но при этом избегая этноцентризма.

Список художественных произведений для обсуждения

1. Некитайскоязычная литература китайского зарубежья, доступная в переводе на русский язык:

Го Сяолу. «Краткий китайско-английский словарь любовников».

Дай Сыцзе. «Комплекс Ди», «Бальзак и портниха-китаяночка».

Июнь Ли. «Добрее одиночества», «Женщина, укрытая от мира», «Мой отказ от китайского – принципиальное решение».

Лиза Ко. «Беспокойные».

Лиса Си. «Снежный цветок и заветный веер».

Мадлен Тьен. «Не говори, что у нас ничего нет».

Мин Анчи. «Воспоминания императрицы», «Одержимая», «Отверженная», «Красная азалия».

Ха Цзинь. «Рассказы».

Цю Сяолун. «Шанхайский синдром», «Закон триады», «Когда красное становится черным».

Шань Са. «Александр и Алестрия», «Играющая в го», «Врата Небесного спокойствия», «Конспираторы», «Четыре жизни Ивы», «Императрица».

Эми Тан. «Сто тайных чувств», «Клуб радости и удачи», «Кухонный бог и его жена».

Эми Чуа. «Боевой гимн матери-тигрицы».

Юн Чжан (Цзюн Чан). «Дикие лебеди» (в соавторстве с Джоном Холлидеем), «Неизвестный Мао».

2. Китайскоязычные произведения «заморской» литературы, доступные в переводах на русский/белорусский язык:

Сань Мао. «Свадебные записки», «Десятилетняя невеста», «Благородный муж жизнь отдаст за того, кто оценит его по достоинству».

Чжан Лин. «Пустое гнездо», «Жизнеописание Детки».

Янь Гэлин. «Маленький журавль из мертвой деревни».

Вопросы и задания для самостоятельной подготовки и обсуждения

1. Проанализируйте гендерный состав авторов из вышеприведенного списка произведений. Выделите закономерности, попытайтесь их объяснить.
2. На каком языке написаны произведения из первой части списка? Прокомментируйте намеченную тенденцию.
3. Охарактеризуйте пространственно-временные координаты предложенных произведений. Выделите общее и различное.
4. Выявите наиболее характерные черты главного героя китайской литературы зарубежья.
5. Отметьте доминанты проблемно-тематического поля.
6. Дополните список актуальными позициями.

1.4. Основные компоненты национальной идентичности китайской литературы

Выявление национальной специфики, национальной идентичности, мировоззренческой картины мира в художественных произведениях представляется актуальным, особенно в контексте влияния глобализации на все сферы жизни общества, образования глобальных информационных сетей, увеличения межкультурных контактов. Известный российский китаевед В. В. Малявин замечает: «Человечество вступило в мир пост- и метапостмодерна, постполитики, постсекулярности и т. п. — одним словом, постразвития, уводящего в незримые пространства метаистории. Этот резкий поворот не может не напоминать отчасти поворот назад, возвращение к началу пути»¹. Исследователь подчеркивает, что в современном мире уже само сознание, всякая идентичность (индивидуальная, национальная или культурная) становятся товаром «информационного» капитализма. В свете мощного развития современной китайской литературы, ее выхода за рамки собственно китайской традиции и активного приобщения к тенденциям мировой литературной парадигмы особого внимания заслуживает феномен национальной идентичности китайской словесности, среди основных компонентов которого отечественные, зарубежные и китайские ученые выделяют следующие:

¹ *Малявин В. В.* Евразия и всемирность. М., 2015. С. 219.

- 1) историзм с китайской спецификой;
- 2) религиозно-культурный синкретизм;
- 3) специфические черты национального китайского характера как проявление национального самосознания;
- 4) китайская письменность и особое отношение к словесности.

Историзм китайской литературы объясняется тем, что «традиционное китайское мировоззрение всегда акцентировало внимание на контексте опыта...»¹. История играет огромную роль в формировании каждого национального характера, но китайская нация не только осознает, но высоко ценит роль исторического контекста в своем формировании. Именно историю Китая А. А. Маслов называет ключом к пониманию китайской национальной психологии и через историческую призму дает толкование понятию национального единства и зарождению феномена китайского национализма². Ученый подчеркивает значение «чувства истории» и ее совместного «переживания» как консолидирующего фактора для китайской нации³. В. А. Корсун выделяет историзм как одну из наиболее показательных черт для выявления китайской идентичности и подчеркивает, что «для современного китайца, независимо от места его проживания, а также от степени его осведомленности о тонкостях и деталях исторического процесса, образ величайшей в мире империи и ощущение сопричастности к этой цивилизации являются источником впечатляющего патриотизма»⁴.

Возникновение культа старины в Китае И. С. Лисевич объясняет расцветом конфуцианства «с его преклонением перед авторитетом “совершенномудрых” людей далекого прошлого»⁵. Историзм с китайской спецификой отличается представлением о циклично направленном времени, характерном для культур восточного типа. Ориентация на годовой цикл, присущая аграрному народу, способствовала созданию семантики пятичленной модели и идеи цикличности времени в китайской культуре⁶. Китайский литературовед Линь Личэнь подчеркивает,

¹ Корнилов М. Н. Пространство, время и история в культурной традиции Китая // Соц. и гуманитар. науки. Зарубеж. лит. Сер. 10, Китаеведение. М., 2000. № 1. С. 101.

² Маслов А. А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. М., 2010. С. 9, 12–13.

³ Там же. С. 16–17.

⁴ Корсун В. А. Идентичность с «китайской спецификой» // Полит. Исслед. 2008. № 3. С. 71.

⁵ Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. М., 1979. С. 195.

⁶ Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб., 2003. С. 116.

что китайцы традиционно воспринимают время и пространство не абстрактно и объективно, а конкретно и субъективно¹.

М. Н. Корнилов утверждает, что китайское традиционное мышление исторично и метафорично одновременно. Пространство и время воплощают «нечто, созданное человеческим опытом и разумом» в отличие от западного представления об этих же понятиях как об «априорном интуитивном знании, предшествующем пониманию и опыту»². Китайское понимание времени отличается интересубъективностью. Оно означает взаимопроникновение прошлого, настоящего и будущего, историческая мысль напоминает движение маятника «взад-вперед»³. Некоторые ученые даже полагают, что цикличность преобладает над эволюцией в образе мышления китайцев⁴. Цикличность времени соотносится с идеей преемственности, которая проявляется в космологии (круговорот пяти элементов, взаимодействие инь-ян), в культуре (каждый новый объект является результатом следования уже имеющимся, предшествующим ему, совершенным образцам), в социуме (связь поколений, традиционные представления о семейной триаде «я — мой отец — мой сын») и т. д.

В настоящее время неоспоримым фактом признаны историческая обусловленность китайской литературной традиции и влияние историографии на эволюцию национальной прозы. Согласно китайской традиции прошлое воспринимается как метафора настоящего, из чего следует тяготение к поиску параллелей и аналогий; предпочтение отдается прецеденту, а не выявлению взаимосвязи.

Выражение религиозно-культурного синкретизма в литературе обусловлено религиозно-культурной принадлежностью большинства китайцев, которую К. М. Тертицкий определяет «как приверженность комплексу синкретических народных верований»⁵ и описывает феномен селективной религиозности, в основе которой лежит характерный для китайцев «ситуационцентризм» и «функциональный» подход к религии⁶.

¹ *Lin Li-chen*. The concepts of time and position in the «Book of Change» and their development // Chun-chieh Huang, Erik Zürcher. Time and space in Chinese culture. Leiden, 1995. P. 89.

² *Корнилов М. Н.* Пространство, время и история в культурной традиции Китая. С. 102.

³ Там же. С. 109.

⁴ *Спешнев Н. А.* Китайцы: особенности национальной психологии. СПб., 2011. С. 70.

⁵ *Тертицкий К. М.* Китайские синкретические религии в XX веке. М., 2000. С. 22.

⁶ Там же. С. 23–24.

М. Е. Кравцова отмечает наличие феномена вариативности индивидуального вероисповедания, а механизм взаимодействия Трех учений также связывает с принципом ситуативности¹. Исследовательница называет безусловной культурно-идеологической доминантой конфуцианство, подчеркивая при этом, что «культуральные изъяны конфуцианской традиции могли бы пагубно сказаться на духовном облике китайской цивилизации, если бы не компенсировались даосизмом»². С. А. Торопцев пишет о единстве противоположностей двух моделей культуры — конфуцианской и даосской — и отмечает, что «в душе отдельного человека» разграничить эти культурные типы сложно, и «в лучшем случае это будет пропорциональное расхождение — доминирование либо той, либо другой модели на фоне их сосуществования, причем достаточно мирного»³.

Следование ключевым даосским понятиям Естественности и Недеяния воплощается в стремлении к «пресности» (素 — су) и видимой безыскусности художественного текста, под которой подразумевается, что только в случае отсутствия излишеств можно достичь истинного смыслового наполнения. Конфуцианская идея Преемственности учения Даотун (道统) сообщает тексту жанрово-композиционную традиционность и систему Дяньгу (典故), которая воплощается в обилии прямых и скрытых цитат, намеков, ссылок, активном использовании афоризмов и т. д. Конфуцианство всегда подчеркивало такую утилитарную функцию изящной словесности, как исправление нравов и гармонизация не только социума, но и всего мирового континуума. Результатом влияния буддийских концептов явилось особенно актуальное в эпоху Тан представление, что «произведение как таковое и есть искусно организованная *Пустота*»⁴. А. Г. Сторожук указывает на ряд принципов создания литературных произведений, которые раскрываются в литературоведческих трактатах эпохи Тан: «Смысл за пределами слов» («言外之意»), «Суть за пределами знаков» («文外之旨»), «Наполненность смыслом» («重意»). Главная идея состоит в том, что слова должны не *называть* этот Смысл, а *указывать* на него. Еще в рамках направления *сюаньсюэ* («Учение о сокровенном» / «玄学», приблизительно II–III вв.), по утверждению А. Г. Сторожука, «фактически — смешения даосизма со многими положениями конфуцианства»,

¹ Кравцова М. Е. История культуры Китая. 2003. С. 281–283.

² Там же. С. 225, 283.

³ Боревская Н. Е., Торопцев С. А. Китайская культура во времени и пространстве. 50 и 50 — век в китаеведении. М., 2010. С. 332–333.

⁴ Сторожук А. Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб., 2010. С. 182.

происходило переосмысление и синтез даосских и конфуцианских философских концептов и положений¹.

Известный китайский писатель, переводчик и ученый Линь Юйтан характеризует конфуцианство и даосизм как сплав положительного и отрицательного элементов, единство начал *инь* и *ян*, которое «породило бессмертное явление — китайский национальный характер», но афористически заключает, что китайцы по натуре (природе) своей больше даосы, нежели по воспитанию (культуре) — конфуцианцы².

В современной китайской литературе понятие религиозно-культурного синкретизма включает не только конфуцианскую, даосскую и буддистскую, но также исламскую и христианскую традиции. Отношение китайцев к христианству всегда было настороженным, так как в Китае уже с середины I тыс. до н. э. активно развивались атеистические учения³. Западноевропейской оппозиции религии и язычества соответствовало китайское противопоставление народных верований (с их представлениями о нечистой силе, душе, загробном мире и т. д.) и «культурности» (*вэнь* (文) в значении 'грамотность, образование, знание', а не 'вера'), что позже воплотилось в уникальном сочетании не противоречащих друг другу анимизма и атеизма. Китайское мировоззрение антропоцентрично и сконцентрировано на земном существовании человека в отличие от христианства, целью которого является посмертное спасение человеческой души. Первые активные попытки адаптации христианской проповеди к китайскому культурному контексту связаны с деятельностью Маттео Риччи, который пробыл в Китае около тридцати лет, вплоть до своей кончины в 1610 г. Исключив даже возможность отрицания исконной китайской традиции, он вынужден был обратиться к христианской интерпретации конфуцианства⁴.

Кроме того, в литературном опыте Китая отражен китайский характер как проявление национального самосознания, которое наиболее четко выражается в оппозиции «свой — чужой» / «китаец — иностранец». Лян Цичао (1873—1929) утверждал, что для фактического разграничения наций недостаточно общности происхождения, языка и верований, а наиболее важным обстоятельством является «возникновение

¹ *Сторожук А. Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм ... С. 185—186, 284.

² *Линь Юйтан.* Китайцы: моя страна и мой народ. М., 2010. С. 64—65.

³ *Щепановская Е. М.* Мифологические архетипы как ядро ментальности национальных культур (на примере Индии и Китая) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/fileex/24> (дата обращения: 19.03.2014).

⁴ *Духовная культура Китая. Т. 2: Мифология. Религия / под ред. М. Л. Титаренко [и др.].* М., 2007. С. 309.

и утверждение «национального сознания, осознание себя в противопоставлении другим»¹. В настоящее время китайское национальное самосознание сочетает в себе современную идею возрождения национального величия со стремлением сохранения самобытности и исследованием локальных идентичностей. Активно развивается региональная и китайская литература зарубежья, что способствует пропаганде идеи национального величия и формированию положительного национального автостереотипа². Ли Цзинцэ отмечает, что «литература, про которую забыли в спорах о ее судьбе, продолжает свой рост, а писатели ищут пути переосмысления и отражения самосознания китайцев»³.

Развитие Китая после 1990-х гг. отличается культурной открытостью, изменением стиля жизни молодежи в крупных городах и смещением границ дозволенного в литературе. Новой темой в китайской прозе 1990-х гг. становятся любовные и сексуальные отношения между китайцем (китайкой) и иностранкой (иностранцем)⁴. Близкие отношения между представителями китайского этноса и западного культурного сообщества перестают быть табу и иллюстрируют, насколько эволюционировало дихотомическое представление «мы – варвары», превратившись в «мы – чужие», «мы – иностранцы». Это явление не может считаться доказательством полного принятия инोकультурной модели построения отношений и резкой культурной открытости, но свидетельствует о явном сдвиге по культурной шкале от гомофильности к гетерофильности и подтверждает рост уровня толерантности в китайскоязычном культурном обществе.

Противопоставление образов «свой – чужой» наиболее четко прослеживается в пограничной и эмигрантской составляющих китайской литературы. Например, в повестях Чжан Лин оно представлено парами Лю Семин – Тами («Бренный мир»), Ян Ян – Пол Уилсон, Рут – Джон Уилсон («Овца»), Сяодэн – доктор Волверкоут («Послешок»); в романе Эми Тан «Сто тайных чувств»: Кван – Оливия, Нунуму – мисс Баннер. В романе Эми Тан «Клуб радости и удачи» в качестве контрастных пар представлены матери и дочери (Иннин – Лена Сент-Клер, Линьдо

¹ *Крюков М. В.* Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. М., 1993. С. 343.

² *Снешнев Н. А.* Китайцы: особенности национальной психологии. С. 15.

³ *Li Jingze.* Speechless Literature.

⁴ *Kühner H.* Interkulturelle Begegnungen in der chinesischen Literatur des 20. Jahrhunderts: Wahrnehmung und Darstellung «des Westens» von Lao She bis Gao Xingjiang // China und die Wahrnehmung der Wel. Jahrbuch der Deutschen Vereinigung für Chinastudien / hg.: Antje Richter, Helmolt Vittinghoff. Wiesbaden, 2007. № 3. S. 260.

Чжун – Уэверли Чжун, Суюань – Цзиньмэй, Аньмэй Су – Роуз), которые являются трансляторами китайской и гибридной национальной идентичности. Для творчества литераторов КНР наличие подобных контрастов не характерно, однако не исключено (например, матушка Лу – пастор Мюррей в романе «Большая грудь, широкий зад» Мо Яня). Образы иностранцев подтверждают готовность китайского общества к культурному диалогу и взаимодействию. Не являясь отрицательными персонажами, они продолжают вызывать ощущение настороженности и отчужденности.

Во многих произведениях изменения китайского национального самосознания наблюдаются в дихотомии «настоящее – прошлое» через призму исторической судьбы Китая (например, «Устал рождаться и умирать», «Большая грудь, широкий зад», «Перемены» Мо Яня; «Жить», «Десять слов о Китае» Юй Хуа; «Золотая гора», «Схватки» Чжан Лин; «Дикие лебеди: три дочери Китая» Юн Чжан; «Воспоминания императрицы» Анчи Мин).

Кроме того, китайскую литературу отличает проявление типичных поведенческих стратегий, психологических черт и их сочетание, характерное для китайской нации в большей степени, чем для представителей других наций. По словам исследователя в области китайского языка, литературы и психологии Н. А. Спешнева, отличительной особенностью традиционного китайского подхода к изучению национального характера представляется специфика толкования понятия: в китайских словарях XX в. слово «характер» (性格) отсутствовало, оно заимствовано из английского¹, а в работах китайских ученых по национальному менталитету и психологии используется понятие 民族精神 – ‘национальный дух’². У Мо Яня встречаем 民族性 – ‘национальный характер’ и 东方情调 – ‘национальный дух’ или ‘национальный колорит’³.

Линь Юйтан основой идеального китайского характера называет степенность и добродушие, т. е. «здоровое отношение к жизни и природе человека»⁴ и выделяет 15 самых характерных черт китайской нации: здравомыслие, простота, любовь к природе, терпеливость, бесстрашие, хитрость (лукавство), плодовитость, трудолюбие, бережливость, любовь к семейной жизни, миролюбие, удовлетворенность жизнью, юмор, консерватизм, чувственность.

¹ Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. С. 22.

² Там же. С. 30.

³ 莫言。碎语文学。北京：作家出版社，2012。页282。(莫 Янь. Осколочная литература. С. 282).

⁴ Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ. С. 53–54.

Таким образом, важными особенностями концепции самоопределения китайцев являются отсутствие четкой терминологии и исключительно субъективное понимание каждого исследователя составляющих национального характера, в котором ярко выражены такие доминанты, как прагматизм, стремление к самосовершенствованию, обостренное чувство стыда, безусловное преклонение перед авторитетом, интровертность, рационализм, холизм, фамилизм, консерватизм, дисциплинированность, коллективизм, почитание истории и др. Уникальная совокупность этих и других качеств дает представление о менталитете китайцев и способствует выявлению национальной специфики литературы через определение национальной идентичности автора и героя.

Стоит отметить, что при анализе мировоззрения китайцев необходимо в первую очередь опираться на ставшую уже классической для китаеведения базу, представленную работами В. П. Васильева и С. М. Георгиевского (чьи труды актуальны и сегодня), а также крупными исследованиями философско-религиозной мысли Китая Е. А. Торчинова, Л. Е. Померанцевой, А. Н. Игнатовича, С. В. Филонова и др.

Опорой китайской идентичности выступает иероглифическая письменность. Она ориентирована на образно-ассоциативное восприятие информации и обуславливает «уникальную систему рефлексии в сфере как конструирования понятий, так и самого стиля мышления и мироощущения китайцев»¹, т. е. важен не только язык, на котором написано произведение, но и язык, носителем которого является автор. Определяющая характеристика китайской литературы — китайский язык и особое отношение к словесности: еще в конфуцианской теории утверждалась тождественность словесности и орудия Дао.

Известный лингвист и востоковед В. Б. Касевич подчеркивает определенную роль словаря и его ключевых слов (лексем) в отражении картины мира и передачи специфики соответствующей культуры. Исследователь утверждает, что язык — это «одна из этнокультурных переменных, функцией от значения которой выступает этническая (само)идентификация, причем в разных культурах у такого рода переменных могут быть разные “весовые коэффициенты”»². Специалист в области когнитивной лингвистики Тань Аошуань отмечает, что языковое сознание носителя языка фиксирует особенный способ видения и концептуализации мира³.

¹ Корсун В. А. Идентичность с «китайской спецификой». С. 74.

² Касевич В. Б. Язык // Введение в востоковедение. Общий курс / отв. ред.: Е. И. Зеленов, В. Б. Касевич. СПб., 2011. С. 27, 29.

³ Тань Аошуань. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М., 2004. С. 7.

Н. А. Спешнев подчеркивает, что «можно с полным основанием говорить о типичных литературных приемах и специфическом, лингвистическом оформлении китайского художественного текста, особых правилах построения метафор, эпитетов, сравнений, использования аллегорий»¹. Так, среди наиболее репрезентативных для западноевропейского читателя стилистических особенностей исследователь выделяет преобладание двусложных слов в построении предложения; и устойчивую тенденцию к использованию плеоназмов². Все эти признаки могут встречаться не только в художественном, но и публицистическом, и даже научном тексте.

В учебно-методическом пособии творчество Чжан Лин рассматривается в контексте китайской литературы рубежа XX – XXI вв. и выявление *национального* в ее сочинениях предполагает обращение к обширному комплексу понятий (национальный образ мира, менталитет, идентичность, характер и др.), которые демонстрируются на проблемно-тематическом уровне произведений, в особенностях содержательного аспекта и идейного замысла, находят отображение в системе образов, символике, специфике изображения художественного времени и пространства. За определяющие идентификационные черты китайской литературы приняты историзм с китайской спецификой; проявление китайского национального самосознания; религиозно-культурный синкретизм; особенности национального китайского характера и язык, выраженный иероглифической письменностью как олицетворением культурного и лингвистического единства традиции китайской изящной словесности.

Вопросы для самостоятельной подготовки и обсуждения

1. Осмысление понятия 文 (*вэнь*) и характеристика традиционных китайских представлений о литературе в книге И. С. Лисевича «Литературная мысль Китая» (1979; гл. 1.: «Путь Вселенной – Великое дао, его манифестация – дэ и претворение в слове – *вэнь*»).

2. «Идеальный герой» (内圣外王) согласно интерпретации Н. А. Спешневой («Китайцы. Особенности национальной психологии» (2011; гл. 4). Отражение данной концепции в философской прозе Древнего периода.

3. Религиозно-культурный синкретизм литературы эпохи Тан в монографии А. Г. Сторожука «Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан» (2010).

¹ Спешнев Н. А. О некоторых стилистических особенностях китайского художественного текста // Чудаки: книга для чтения на китайском языке / Фэн Цицай ; пер. и вступ. ст. Н. А. Спешнева. СПб., 2006. С. 15.

² Там же. С. 21, 29.

4. Историзм с китайской спецификой в научных и научно-популярных работах А. А. Маслова («Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения» (2010), «Наука управления Китаем. Зеркало для дракона» (2017) и др.).

Темы курсовых и дипломных работ

1. Национальная специфика комедийного начала в миниатюрах Лао Шэ.

2. Проблема формирования национального характера в романе Ван Мэна «Метаморфозы, или Игра в складные картинки».

3. Национальная специфика неореализма в романе Фан Фан «Пейзаж».

4. Национальная специфика образа правительницы в китайской литературе зарубежья.

5. История и личность в эссеистике Ба Цзиня.

6. Национальная специфика китайской эссеистики начала XXI в. (Юй Хуа, Фэн Цицай и др.).

7. Национальная специфика китайского детектива (Цю Сяолун, Фань Ипин).

8. Национальная специфика темы миграции (Шэн Кэи, Дун Си и др.).

9. Национальная специфика современной китайской драматургии.

10. Визуальная поэзия в контексте современной китайской литературы.

Глава 2

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ БИОГРАФИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЖАН ЛИН

2.1. Факты биографии в художественном преломлении

Прямое обращение к биографическому материалу сочетается с психологическим состоянием, взглядами, чувствами персонажей и автора. Чжан Лин описывает героя, появление которого детерминировано экономическими, социальными и культурными процессами конца XX — начала XXI в., происходящими не только в Китае, но и в мире. В центре повествования находятся китайцы (чаще женщины), молодые или средних лет, которые родились и выросли в Китае, уехали учиться за границу (в Канаду), остались там жить, нашли работу, создали семьи (с соотечественниками), но испытывают душевный дискомфорт. Проблемы, встающие перед человеком, который приехал в чужую страну, носят универсальный характер. В большом городе они ощущают одиночество, чувствуют необходимость поиска смысла жизни, тоскуют по дому. В творчестве Чжан Лин это проявляется через синтез тем миграции и поиска корней, которым сопутствуют соответственно мотив дороги, скитаний и традиционный для китайской литературы мотив тоски по родине. Писательница воплощает личный опыт адаптации в чужой культурной среде. Связанные с этим переживания героев отражают реальные чувства автора. Обостренное осознание собственной национальной идентичности предстает закономерным результатом тесного контакта с инородным окружением.

Острое ощущение своей индивидуальности обнаруживается под влиянием чужой цивилизационной среды вдали от родины и является отличительной чертой персонажей Чжан Лин. Это выражается через сочетание иммигрантской темы и темы самореализации.

Иммигрантская тема имеет положительную коннотацию, которая коррелирует с позитивным отношением Чжан Лин к данному явлению, и превалирует в ее творчестве: романы «Полнолуние», «На том

берегу», «Невеста по почте», «Золотая гора», повести «Бренный мир», «Овца», «Родителей с собой», «Три мелодии любви», «Пустое гнездо», «Где спрятаны стихи», «А-си идет в школу» и т. д. Переезд как героев, так и автора за границу — результат их свободного осознанного выбора: они не являются изгоями в родном обществе, поддерживают связь с родиной, а перемена места жительства представляется выражением тенденций мультикультурализма и космополитизма в современном обществе, подверженном глобализационным процессам. В творчестве Чжан Лин миграция связана с мотивом не только скитаний, но и путешествий, приключений и олицетворяет актуальную для начала XXI в. мобильность. Интерес к иммигрантской теме обусловлен фактом переезда Чжан Лин в Канаду. По словам писательницы, на развитие ее воображения повлияло то, что, еще будучи ребенком, она «понимала всю сложность и невозможность куда бы то ни было отправиться или что бы то ни было увидеть кроме родных мест», а импульсом для отъезда было желание знать, что находится «по ту сторону океана»¹.

В другом интервью Чжан Лин вспоминает своего деда, который со временем отправился на север и обосновался на берегу реки Оуцзян, «*поэтому и я, вслед за родителями, тоже выросла на берегу Оуцзяна. И потом, когда я стала взрослой, мне тоже захотелось большего, захотелось отправиться повидать другой мир. И не речушка² была для меня рубежом. И не река. И не море. Мои рубежи достигли Тихого океана*»³ (курсив автора. — А. Б.).

Тема самореализации в творчестве Чжан Лин условно распадается на два вида: профессиональную и творческую. Например, героиня повести «Родителей с собой» стремится быть врачом и работать по специальности; герой повести «Бренный мир» хочет открыть свое кафе; Ван Сяонань из произведения «Три мелодии любви» с тоской вспоминает время, когда работала телевизионным журналистом, и др.

Мотив творчества в сочинениях Чжан Лин раскрывается многоаспектно. Например, сиделка Чуньчжи из повести «Пустое гнездо» среди односельчан известна талантом искусно вышивать. За образец она берет не

¹ 我的文学梦——记张翎女士讲座 (Моя литературная мечта — лекция г-жи Чжан Лин [Электронный ресурс]. URL: http://www.wz51z.com/Art/Art_23/Art_23_1696.aspx (дата обращения: 13.03.2015)).

² В данном случае под *речушкой* писательница подразумевает Цзаоци, протекающую в одноименном местечке, откуда был родом ее дед (игра слов: «си» в Цзаоци переводится как ‘речушка, ручеек, горный ручей’). Под рекой понимается не только Оуцзян, ассоциирующаяся с родным Вэньчжоу, но и Хуанпу, протекающая через Шанхай, в котором прошли студенческие годы Чжан Лин.

³ 张翎. 随笔: 杂忆洗澡 (Чжан Лин. Эссе: заметки о мытье. URL: http://wxs.hi2net.com/home/news_read.asp?newsid=9245 (дата обращения: 10.02.2014)).

традиционные китайские мотивы и узоры, а картины с западноевропейскими пейзажами и архитектурными ансамблями. Главная героиня из повести «А-си идет в школу» имеет склонность к живописи. Материальное положение семьи не позволяет приобрести настоящие краски, и она находит способ сделать их из подручных средств. Хэ Юэцинъ из повести «Где спрятаны стихи» обладает поэтическим даром, хотя герой не признает ценность своего творчества. Традиционная для китайской культуры необходимость удерживать себя в жестких рамках общественной морали и недопустимость вести себя с отклонением от нормы и правил *ли* привели к тому, что эмоция и чувство сублимируются в различных видах искусства. Интровертность воплощается в собранности, сдержанности и высокой степени сосредоточенности художника на предмете творчества.

Главными героинями повестей «Самая темная ночь в жизни» и «Послешок» Чжан Лин изображает писательниц, которые, ведя внешне активный образ жизни, подсознательно ищут спокойствия и гармонии, что в западноевропейском представлении могло бы соответствовать понятию счастья.

Особенность иммигрантской темы в творчестве Чжан Лин заключается в том, что она неразрывно связана с темой самореализации. Ярким примером такого тематического синтеза является повесть «Где спрятаны стихи». Здесь в фокусе осмысления находится образ творческой личности, что очевидно коррелирует с личностью автора и может трактоваться как элемент автобиографизма.

Главному герою повести «Где спрятаны стихи» («何处藏诗»), молодому мужчине по имени Хэ Юэцинъ, пришлось пережить ссылку в деревню во времена переселения образованной молодежи в китайскую глубинку (как члена производственной бригады), самоубийство любимой девушки, тяжелый начальный период проживания в Канаде и другие события, но на протяжении всей дальнейшей жизни он сохраняет поэтический дар. Автор исключительно натуралистично описывает моменты, когда Хэ Юэцинъ испытывает творческое озарение: «Он уже не молод, но поэтическое вдохновение еще может, как и прежде, почтить его своим присутствием, при том, что приходит оно всегда не вовремя: к примеру, когда он, сидя на корточках на унитазах, краснея, напрягается ради кучки похожих на металлическую дробь испражнений; когда он в полночь весь в поту идет по той узкой туманной тропинке между сном и явью; когда он внезапно пробуждается от звука упавшего на землю последнего осеннего листа...»¹. Герой остается верен себе, это

¹张翎。何处藏诗 (Чжан Лин. Где спрятаны стихи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lelewa.cn/a/zhongpian xiaoshuo/2012/1202/-12251.html> (дата обращения: 10.03.2014)).

отмечается практически на подсознательном уровне: «(Он. — А. Б.) по-прежнему может их (строки. — А. Б.) записать на салфетке, в просветах между строк на старой газете, на первом, какой может попасть под руку, клочке макулатуры, а затем он может их смять и бросить куда угодно»¹. Хэ Юэцинь перестал называть это «занятиями поэзией», потому что, когда ему неожиданно приходили строки, он не испытывал того трепета, который может сопровождать моменты вдохновения. Когда же они «уходили», главный герой не чувствовал ни капли сожаления и прекращал об этом думать.

Хэ Юэцинь официально проживает в Торонто, и в период, когда он испытывает затруднения с работой, за большое вознаграждение ему предлагают жениться на соотечественнице, чтобы она смогла получить гражданство. Вместе они тщательно готовятся к визиту в миграционную службу и продумывают каждую деталь. Однако служащий задает непредвиденный вопрос: что ее привлекло в этом мужчине? Хэ Юэцинь не подозревал, что Мэй Лин знает о его тайном увлечении, но неожиданно для героя женщина коротко отвечает: «Стихи». Чжан Лин завершает сцену восклицанием работника миграционной службы: «Вон как! Я за свою жизнь несколько десятков лет просидел за этим окошком и слышал всякие истории любви. Но ни одной, связанной со стихами»².

Показательно, что творческий процесс в данной повести носит стихийный характер озарения. Герой не уделяет осознанного внимания технической составляющей стихов. Он относится к ним небрежно, даже желает отстраниться от них, когда стихи уже материализованы на бумаге (выбрасывает, заливает кофе и т. д.). Используя иммигрантский сюжет «китаец за рубежом», Чжан Лин выводит персонаж за привычные рамки, создавая ситуацию, в которой способность Хэ Юэциня получает своеобразную легитимность, признание, положительную оценку и позволяет добиться желаемой цели.

Кроме того, благодаря физической удаленности от родины герой объективно переоценивает свое прошлое, примиряется со смертью возлюбленной, начинает новый жизненный этап. Непривычная среда зарубежья несет не угрозу, а стимул к личностному росту. В повести нет трагичности, которая может быть свойственна образу творческой личности, так как конфликт между жизнью и искусством оказывается разрешен. Мэй Лин, женщина, с которой Хэ Юэцинь изначально собирался жить в фиктивном браке, беременна, герои встречаются, и мужчина позволяет себе проявить эмоции: он плачет от счастья.

¹张翎。何处藏诗 (Чжан Лин. Где спрятаны стихи).

²Там же.

Доминирующий мотив творчества раскрывается в дополнительном аспекте созидания (в прямом смысле этого слова).

Психологический портрет Хэ Юэцзиня коррелирует с доминирующими чертами китайской национальной психологии: интровертностью, скрытностью и эмоциональной сдержанностью. Герой не выражает сокровенные мысли и чувства вслух. Внутренний монолог, представленный стихами, напротив, откровенен и проникнут интимной любовной эмоцией. Поэтические включения в текст соответствуют динамике отношений Хэ Юэцзиня с Дуаньдуань и Мэй Лин. Автор использует стихотворные строки чаще в начале (реже в середине и в конце) тех глав, в которых герой размышляет о прошлом и вспоминает Дуаньдуань — трагически погибшую возлюбленную. Писательница практически избегает поэтических вставок в частях, где Хэ Юэцзинь и Мэй Лин беседуют с представителем миграционной службы Канады о причинах их вступления в брак. В главах, повествующих о совместном проживании Хэ Юэцзиня и Мэй Лин в фиктивном браке, стихи главного героя встречаются ближе к концу и в середине. Чем лучше герои узнают друг друга, чем ближе становятся духовно, чем больше Мэй Лин пытается понять Хэ Юэцзиня, тем чаще появляются в тексте стихотворные строки. Показательно, что последнее стихотворение в повести, в отличие от всех предыдущих, посвященных Дуаньдуань, герой пишет лично для Мэй Лин: как и раньше, на салфетке, но на этот раз чистой, без следов от еды, кофе или окурков. Данное стихотворение соответствует кульминации духовной близости, квинтэссенции взаимопонимания.

Однако тонкая душевная организация мужчины не позволяет ему найти гармонию, покой и простить себе ошибки прошлого. Опорой для него становится Мэй Лин: Хэ Юэцзинь эмоционально расслабляется (позволяет себе заплакать) и получает новый импульс к развитию. Высокое поэтическое начало мужчины компенсируется «прозой», житейской мудростью женщины, воссоздавая гармоничное целое единства и противоположности, которое и может породить новую жизнь. Так, беременность Мэй Лин предстает символическим подтверждением правильного и естественного течения жизни и своего рода счастливым знамением.

В прозе Чжан Лин тема самореализации пересекается с темой поиска себя и с уже традиционной для китайской литературы темой поиска корней. Это коррелирует с ее отношением к творческому процессу, который имеет для писательницы первостепенное значение. Чжан Лин преодолела ряд препятствий, прежде чем получила возможность заниматься любимым делом. Она окончила только два класса школы сред-

ней ступени, в 16 лет оставила учебу, устроилась токарем на фабрику, но вопреки всему осталась в образовательной сфере и подрабатывала, заменяя учителей в одной из начальных школ в пригороде Вэньчжоу. Позже совместно с мужем Чжан Лин приняла решение не иметь детей, так как, по ее словам, она знала, что материнство послужило бы неодолимым препятствием для осуществления мечты о творчестве.

Показательно, что путь Чжан Лин как писательницы начался в 1996 г., после переезда в Торонто. Работе над первым романом «Полнолуние» («望月»), в зарубежных изданиях известном как «Сестрички из Шанхая» («上海小姐»), она посвящала все свободное от медицинской практики время. По словам Чжан Лин, у нее никогда не было творческого кризиса: «Моя проблема в том, что океанской волной захлестывает вдохновение, а времени так мало»¹. На протяжении какого-то периода она занималась лечением болезней органов слуха, но в 2010 г. ушла из медицины и полностью посвятила себя творчеству.

Чжан Лин считает, что она начала писать поздно, так как талант раскрывается и развивается в шестнадцать-семнадцать лет, однако «между молодостью и упадком еще существует безграничный простор возможностей»². Хотя «сумасбродная мечта о писательстве» зародилась у Чжан Лин еще в юном возрасте, когда были опубликованы некоторые короткие рассказы, профессионально заниматься творчеством она начала с середины 1990-х гг. Это был период, когда со времени отъезда из Китая прошло около десяти лет, Чжан Лин окончила учебу, работала в медицинской сфере, ее финансовое положение стабилизировалось.

Чжан Лин с большой долей прагматизма опирается на известное высказывание Вирджинии Вулф о том, что каждая женщина, если хочет писать, должна иметь 500 фунтов годового дохода и свою комнату. Для осуществления желания стать писателем она «потратила целых десять лет, за которые раз двадцать меняла место жительства для того, чтобы найти стабильную работу»³.

Еще одним маркером использования собственного жизненного опыта в творчестве является профессиональная принадлежность героев Чжан Лин. Для писательницы типично обращение к образам врачей или

¹ 卢欢。张翎：我不在这儿也不在那儿（*Лу Хуань*。Чжан Лин：Я не здесь и не там [Электронный ресурс]。URL: http://wxs.hi2net.com/home/blog_search.asp?id=177&Keyword=%D5%C5%F4%E1&action=about&page=1 (дата обращения: 12.06.2014))。

² 张翎。女人四十 // 尘界。南宁：广西人民出版社，2004。页 194（*Чжан Лин*。Женщина сорока лет // Житейское море。Наньнин，2004。С. 194)。

³ 我的文学梦——记张翎女士讲座（Моя литературная мечта – лекция г-жи Чжан Лин)。

людей, связанных с медициной: например, Люси из рассказа «Женщина сорока лет», Чжи Вэнь из рассказа «Маотоу и бутылка», Пинфань и ма-тушка Сян из повести «Родителей с собой», врач-психиатр из повести «Послешок», отец героини, занимающийся традиционной медициной, из повести «А-си идет в школу», доктор Гу из романа «Схватки» и др. Внимание Чжан Лин к работникам медицинской сферы обусловлено тем, что после получения образования в Калгари она поступила в Университет Цинциннати на факультет речевых патологий. Из-за наличия акцента по совету научного руководителя она перешла на другое отделение и окончила университет по специальности «отоларинголог». Большой опыт общения с пациентами, столкновение с человеческим горем, частый и тесный контакт с представителями различных культурных традиций и наблюдение за всей палитрой чувств и эмоций способствовали формированию психологизма в прозе Чжан Лин. В Торонто писательнице довелось работать в одной из крупнейших городских общественных больниц в Канаде (госпиталь Скарборо), ее супруг также имеет медицинское образование и до переезда работал в Китае офтальмологом.

Кроме людей, отмеченных в медицинской сфере, в системе образов запечатлена галерея учителей и преподавателей. Например, Очкарик из повести «А-си идет в школу», Руфь из повести «Овца», Хэ Чуньвань – «Пустое гнездо», Хуан Синьюй – «Возвращение в Цзаоси», Хэ Юэцзинь – «Где спрятаны стихи», профессор Сян – «Родителей с собой», Большой Барин из романа «Схватки» и др. Приоритетным направлением выступает обучение родному китайскому языку и иностранным литературам. Такой выбор детерминирован филологическим образованием писательницы.

В произведениях Чжан Лин фигурируют названия мест, связанных с ее биографией (Цзаоси, Вэньчжоу, Шанхай, Торонто, Ванкувер и др.). Топоним Цзаоси (藻溪 – уезд Цаннань городского округа Вэньчжоу в провинции Чжэцзян) присутствует в повестях «Бренный мир», «Пустое гнездо», романе «Схватки» и др., но ярче всего представлен в повести «Возвращение в Цзаоси». Ее герои – Моянь и Бай Чуань – соответствуют двум разным типам вэньчжоусцев и демонстрируют полярное отношение к малой родине. Бай Чуань настойчиво придерживается корней, олицетворяет сына своей Земли и является транслятором духовного богатства традиционной культуры. Моянь стремится расширить свой кругозор, ее образ символизирует стремление к новаторским тенденциям и открытости Китая. Герои воплощают единство традиционного и современного начал в современном китайском обществе. Обращение к Цзаоси как к метафорической квинтэссенции культурных

корней не случайно, так как родители деда писательницы по материнской линии жили в деревне Цзаоси, где он появился на свет и вырос. Таким образом, в творчестве Чжан Лин акцентируется значение не только исторической, но и родовой памяти.

Встречаются немногочисленные упоминания Ханчжоу (杭州, провинции Чжэцзян) (повесть «Где спрятаны стихи», роман «Схватки» и др.). Чжан Лин родилась в этом городе, однако прожила там совсем недолго. Когда ей было два года, она с родителями переехала в Вэньчжоу. Из всех китайских географических наименований в произведениях Чжан Лин именно Вэньчжоу (温州) — городской округ в той же провинции Чжэцзян — представлен наиболее разнообразно и полно: «Невеста по почте» (в тайваньском издании под названием «Жена из Вэньчжоу»), «Пустое гнездо», «Схватки» и др. В эссе «Заметки о мытье» писательница вспоминает родной город, отмечает перемены, которые с ним происходят, и подводит итог: «Догадываюсь, что для городка, пожалуй, наступили поистине лучшие времена»¹. Чжан Лин не копирует детально образы конкретных людей или описание событий, а пытается «оживить» своим персонажам дух Вэньчжоу². Фактографическая составляющая воспоминаний о детстве и юности, проведенных в Вэньчжоу, проявляется непосредственно в описаниях городских улочек и домов, где разворачивается действие.

Шанхай также запечатлен в творчестве Чжан Лин. События повести «Улица Сиреневая» развиваются в одном из традиционных шанхайских двориков; героиня повести «Послешок» учится в Шанхае — городе, которому соответствует значимый этап жизни писательницы. В 1979 г. двадцатидвухлетняя Чжан Лин поступает в Фуданьский университет на факультет английского языка и литературы. Это является знаковым событием, поскольку высшее образование после «десятилетия культурной революции» стало вновь доступно лишь недавно. После отъезда из Вэньчжоу Чжан Лин обнаружила, что «Шанхай — это не конечная точка мира, а лишь начало»³, и уже не думала о возвращении. Однако писательница подчеркивает, что родина значит для нее много, и в своем творчестве она часто обращается к воспоминаниям о родных местах.

¹张翎. 随笔: 杂忆洗澡 (Чжан Лин. Эссе: заметки о мытье).

²张翎笔下的温州人形象 // 温州日报. 2012. 10月29日 (Образы вэньчжоусцев под пером Чжан Лин [Электронный ресурс] // Газ. Вэньчжоу. 2012. 29 окт. URL: http://wzrb.66wz.com/html/2012-10/29/content_1330906.htm (дата обращения: 01.02.2015)).

³我的文学梦——记张翎女士讲座 (Моя литературная мечта — лекция г-жи Чжан Лин).

Встречаются немногочисленные упоминания Пекина. Например, там живет Хэ Чуньянь из повести «Пустое гнездо», в этом же городе окончила университет и некоторое время прожила Ян Ян из повести «Овца» и др. В 1983 г. Чжан Лин окончила университет и была направлена в Пекин, где лишь несколько лет по распределению состояла в должности переводчика в министерстве угольной промышленности. Такая работа давала возможность много путешествовать и приобретать опыт межкультурного общения, так как в 1980-е гг. Китай активно налаживал экономические связи с другими странами. Полгода Чжан Лин провела в Канаде в связи с реализацией проекта по модернизации железнодорожного сообщения.

В ряде произведений (романы «Полнолуние», «На том берегу», «Золотая гора»; повести «Бренный мир», «Овца», «Родителей с собой», «Три мелодии любви», «Пустое гнездо», «Послешок»; рассказы «Детектив Ричардсон», «Женщина сорока лет» и др.), затрагивающих иммигрантскую тему, часть событий разворачивается на территории Канады. Так, Торонто, в отличие от других канадских городов, упоминаемых гораздо реже, предстает живым организмом с собственным характером. Подробное и реалистичное представление города, включая описания и названия улиц, кафе, баров, бизнес-центра и прочих составляющих инфраструктуры, обусловлено тем, что в настоящее время писательница обосновалась в Торонто, где живет и работает. Герои Чжан Лин едут в Канаду, и это согласуется с тем биографическим фактом, что в 1986 г., спустя некоторое время по возвращении в Пекин из долгосрочной командировки, Чжан Лин подала в отставку и переехала в Канаду.

Кроме Торонто встречаются упоминания Калгари и Ванкувера. Например, в повести «Самая темная ночь в жизни» главная героиня Цинь Юань живет в Калгари и работает журналистом местной китайскоязычной газеты. Именно в магистратуре Университета Калгари будущая писательница получила стипендию на обучение по специальности «английская литература». Действие повести «А-си идет в школу» разворачивается в Ванкувере. В этом городе Чжан Лин прожила несколько лет, здесь же она встретила со своим будущим мужем, весной 1994 г. они поженились, а затем переехали в Торонто¹.

Кроме канадских географических реалий, в произведениях Чжан Лин присутствуют названия американских городов и штатов (Цинциннати, Сакраменто и др.). Например, действие одного из ранних

¹ *McLaren L.* Why three prominent Chinese-Canadian writers launched a \$10-million plagiarism suit against Ling Zhang [Electronic resource]. URL: <http://www.torontolife.com/informer/features/2011/12/21/something-borrowed> (date of access: 16.09.2014).

рассказов «В мечтах не признаешь себя гостем» разворачивается на побережье Калифорнии, что соответствует периоду проживания писательницы в США.

Художественное пространство в произведениях Чжан Лин отображает ключевые вехи ее биографии. Она не только использует то или иное топонимическое обозначение локализации героев, но включает описания местных нравов, общественных настроений, погодных особенностей и прочих моментов для создания реалистического ощущения духовной и общественной атмосферы того или иного места. Ярче других представлены Вэньчжоу и Торонто как олицетворение полюсов, соответствующих двум географическим плоскостям – Китаю и Западу.

Чжан Лин наделяет героев некоторыми общими качествами: здоровым любопытством, стремлением к самосовершенствованию, высокой степенью мобильности, склонностью к самоанализу, упорством в достижении цели. В предисловии к роману «На том берегу» Мо Янь пишет: «На Земле есть места, куда не долетает птица, но нет такого места, куда бы не смог добраться вэньчжоусец; в мире множество трудных работ, но похоже, что нет такой, которую бы не смог выполнять вэньчжоусец... вечно недовольны существующим положением, полны иллюзий и духа авантюризма. В этом и заключается характер вэньчжоусца»¹. Прослеживается тождественность ряда черт, характеризующих и писательницу, и ее персонажей.

Таким образом, Чжан Лин отображает и национальный китайский характер, и общечеловеческие чувства и переживания, акцентируя внимание на нюансах психологического состояния и жизненного опыта современного китайского эмигранта. В ее произведениях факты собственной биографии становятся предметом художественного переосмысления, доказательством чему служит: а) обращение к магистральным в произведениях писательницы темам иммиграции и самореализации (на идейно-тематическом уровне); б) профессиональная принадлежность и эмигрантский статус героев (на уровне системы персонажей); в) топонимика (на сюжетно-композиционном уровне).

В контексте биографического осмысления иммигрантская тема, которая широко представлена в творчестве Чжан Лин, имеет следующие особенности: 1) обращение к сюжету «китаец за рубежом», трансфор-

¹ 莫言。写作就是回故乡 // 东方早报。2009。08.09 (Мо Янь. Творчество – это и есть возвращение на Родину [Электронный ресурс] // Утренний Восток. 2009. 9 авг. URL: <http://www.zgnfys.com/m/view.php?aid=32890> (дата обращения: 02.03.2015)).

мация и сужение его до конкретных рамок — «китаец в эмиграции»; 2) тематический синкретизм; 3) взаимодействие культур Востока и Запада как конструктивный диалог, а не агрессивное противостояние. Культурный конфликт, который неизбежно возникает в ситуации эмиграции, в произведениях Чжан Лин лишен воинственности и носит конструктивный положительный характер для эмоционального, психологического, интеллектуального роста и развития человека.

2.2. Исторические факты в авторской интерпретации

Творчество Чжан Лин подтверждает тезис о том, что в современной китайской литературе судьба героя неразрывно связана с историей страны. Общей чертой всех произведений Чжан Лин выступает наличие исторического контекста, а настоящее ее героев предопределено их прошлым. К событиям прошлого обращаются как представители «материковой» литературы Китая, так и «заморской». Говоря о личных переживаниях, современные писатели не отрицают значение коллективного опыта. Юй Хуа подтверждает: «Когда я пишу, то превращаю чужую боль в свою. Людям проще всего узнать друг друга через боль — ведь она начинается в сердце. В этой книге («Десять слов про Китай». — А. Б.) я описал не только боль Китая, но и собственную боль. Потому что это одно и то же»¹. Через историю индивида переосмысливается история государства и общества. Главный герой повести «Мимоза» Чжан Сяньляна замечает: «Как сказал мой лагерный знакомец, преподаватель: “Наши судьбы неотделимы от судеб нашей страны”»². Показательно, что именно представитель интеллигенции, находящийся в заключении, выдвигает данное безапелляционное заключение. В автобиографической повести «Женщина — половинка мужчины» писатель утверждает: «Чтобы сделать шаг вперед, надо быть радостным и уверенным в себе. Для этого нужно примириться со своим прошлым»³.

В произведениях Чжан Лин исторические факты и события становятся сюжетобразующими и помогают автору раскрыть характеры героев, поставить их перед моральным выбором. Художественное пространство того или иного произведения Чжан Лин дополнено досто-

¹ Юй Хуа. Десять слов про Китай. М., 2013. С. 221.

² Чжан Сяньлян. Избранные произведения. СПб, 2014. С. 64.

³ Там же. С. 171.

верной социокультурной картиной Китая соответствующего периода. Однако подробной исторической парадигмы Канады нет, представлен только социально-бытовой фон. Например, отсутствуют упоминания дат или событий, имеющих значение для канадского государства и его жителей. Встречаются реалии, связанные с работой (или ее поиском), учебой, бытом (их культурными различиями) в контексте их значимости для персонажей, но это дает лишь весьма поверхностное представление о том, в каком времени и пространстве взаимодействуют герои.

В ряде повестей («Родителей с собой», «Пустое гнездо», «Возвращение в Цзаоси», «Где спрятаны стихи» и др.) действие разворачивается на фоне движения «культурной революции», которая приобретает функциональное значение катализатора человеческих отношений. Внимание к событиям недавнего прошлого детерминировано жизненным опытом членов семьи писательницы, которые на себе испытали изменения политического курса Китая в различные годы. Ее отец был государственным юристом, а мать работала бухгалтером. По воспоминаниям Чжан Лин, «это было время большого оптимизма»¹. Но вскоре наступил период, когда людей стали сажать в тюрьмы при малейшем сомнении в их политической и социальной благонадежности, и дед писательницы был арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности, вследствие чего вся семья попала под пристальное наблюдение, а он умер в тюрьме в возрасте 75 лет. В 1967 г., когда шел второй год «культурной революции», отец был арестован и отсидел полтора года. Чжан Лин с братом и родителями довелось жить в стесненных бытовых условиях в коммунальной квартире (питьевой воды в доме не было, рис выдавался по карточкам).

Писательница обращается к реальным событиям, которые сыграли исключительную роль в жизни всей страны и каждой семьи или трагически изменили жизнь большого региона и имели резонанс не только в Китае, но и за его пределами: это земельная реформа 1950-х гг., движение борьбы с правыми элементами 1957–1958 гг., «Большой скачок» 1958–1959 гг., «культурная революция» 1966–1976 гг., Таншаньское землетрясение 1976 г. и др.

Главная героиня повести «Возвращение в Цзаоси» – китаянка, которая живет и работает в Торонто. После двадцати лет брака она разводится. Вместе со взрослой дочерью героиня едет на похороны в село Цзаоси, чтобы развеять прах матери, как завещано. Действие разворачивается по принципу ретроспекции. Постепенно из бесед, слухов,

¹ McLaren L. Why three prominent Chinese-Canadian writers launched a \$10-million plagiarism suit against Ling Zhang.

собственных воспоминаний Моянь узнает подробности жизни матери и находит оправдание сдержанной манере ее поведения, ведь всю жизнь молодой женщине казалось, что мать ее не любила.

Видимую неприступность, холодность и отчужденность Хуан Синьйюй, матери героини, писательница позиционирует как результат сильных потрясений, которые той пришлось пережить в молодости. В результате земельной реформы 1950-х гг. и кооперирования имущество семьи Синьйюй было экспроприровано, кто-то из родных покончил с собой, кого-то арестовали. Драматизм положения заключается в том, что в переломный исторический момент многие люди, которых она знала, показали свое истинное лицо, проявили злобу, зависть, неоправданную жестокость. Революционные изменения в стране явились тяжелым испытанием для многих, заставили сделать моральный выбор. Синьйюй сбегает из-под домашнего ареста благодаря помощи юноши (теперь старика), которого приставили к ней в качестве сторожа. Главная героиня, дочь Синьйюй, вспоминает, что мать появилась в городе и вышла замуж, будучи беременной. Автор не дает однозначных оценок герою: его поступок в молодости характеризуется двумя кардинально противоположными сторонами. Безусловная заслуга — это побег и спасение жизни девушки. Очевидно, что он воспользовался своим положением, чтобы добиться физической близости. Однако писательница подчеркивает глубокое чувство симпатии, которое герой испытывал к Синьйюй в прошлом, и стыда, сожаления и одновременно уважения в настоящем вплоть до ее смерти.

Цена, которую Синьйюй заплатила за свободу, оказалась слишком высокой. Со времени замужества она ни разу не возвращалась в родное Цзаоси, жизнь ее внешне протекала благополучно, семья не бедствовала, росли две дочери, муж имел заметное влияние и общественный статус, а она будто очерствела. Но малая родина и прошлое были неотделимы от жизни, и Синьйюй воссоединилась с домом, когда дочь развеяла ее прах в Цзаоси.

Ни Синьйюй, ни главная героиня, ее дочь Моянь, не проявляют своих истинных эмоций до определенного момента. О чувствах матери героиня догадывается, только когда узнает о завещании похоронить ее в Цзаоси, а не в Вэньчжоу, где они жили. Моянь, как и мать, не может открыться в привычном окружении. Это соответствует традиционным представлениям китайцев о сдержанности и склонности к замкнутости в проявлении истинных, сокровенных чувств. Но в непривычных обстоятельствах, во время командировки на Северный полюс, на краю света, она знакомится с немцем по имени Ганс, который понимает ее психологическое состояние, у них завязывается переписка. Во время

пребывания в Цзаоси Моянь получает письмо с известием о его смерти. Ганс говорил Моянь, что она должна выплакаться, т. е. проявить эмоции, высказаться, озвучить проблему, чтобы решить ее. И героиня искренне плачет на церемонии оплакивания матери, хотя сожалеет о своей судьбе, а не о маминной смерти. Она может позволить себе это, ведь никто не знает истинной причины. В данной ситуации очевидна разница и противоречие западного и восточного ритуалов. Героиня же нашла выход и использовала обе традиции.

Прошлое Синьей повлияло на формирование ее отношений с дочерью и наложило отпечаток на характер последней. Для того чтобы прийти к внутренней гармонии, героине пришлось понять и принять материнский жизненный опыт, узнать свое происхождение, приобщиться к культурным и семейным корням. Чжан Лин не ставит точку в истории Моянь, ведь у нее есть дочь, с которой ей предстоит налаживать психологический контакт, воплощая идею преемственности.

В основе сюжета повести «Послешок» лежат события трагедии, которая произошла в июле 1976 г. в городе Таншань (唐山), расположенном на северо-востоке КНР (провинция Хэбэй) недалеко от крупнейших городов Китая (в 180 км к востоку от Пекина и в 120 км к северо-востоку от Тяньцзиня). 28 июля в Таншане случилось землетрясение, по официальным данным, магнитудой 7.8, когда погибло свыше 240 тыс. человек, тяжело ранено более 160 тыс.¹ Семантика слова 余震 включает и остаточные толчки после землетрясения, и послешокное состояние человека, но писательница раскрывает еще одну грань, а именно, что может произойти с характером, психикой, судьбой человека после сильного потрясения (это и видится ей как «остаточные толчки»).

После публикации данной повести Чжан Лин получила множество читательских откликов, в текст были внесены изменения и дополнения, в результате чего в 2012 г. вышел роман «Таншаньское землетрясение» («唐山大地震»). Он был экранизирован при финансовой поддержке правительства КНР, кассовые сборы только на территории Китая составили 100 млн дол., что во многом способствовало росту интереса к творчеству Чжан Лин. Кроме того, она выступила сценаристом. Чжан Лин пояснила, что решила написать о трагических событиях в Таншане, когда в книжном магазине в Пекинском аэропорту увидела книгу

¹7·28唐山地震 // 百度百科 (Таншаньское землетрясение 28 июля [Электронный ресурс] // Baidu. URL: <https://baike.baidu.com/item/7%C2%B728%E5%94%90%E5%B1%B1%E5%9C%B0%E9%9C%87/11066146?fromtitle=%E5%94%90%E5%B1%B1%E5%A4%A7%E5%9C%B0%E9%9C%87&fromid=7835> (дата обращения: 21.08.2020)).

«Таншаньское землетрясение. Воспоминания». Это случилось на следующий день после тридцатой годовщины со дня трагедии. По возвращении в Торонто Чжан Лин собрала документальные материалы и свидетельства очевидцев, где было достаточно информации о том, как сложились судьбы детей, которые пережили землетрясение, и как они реализовали себя в жизни. По словам писательницы, это мало ее утешило, так как она была твердо убеждена, что обязательно должно быть еще что-то, что «связано с тем самым “после” землетрясения, и что прошло через фильтр времени и через стремление людей к доброте и взаимной заботе»¹.

Действие повести начинается в 2006 г. в больнице Святого Михаила в Торонто, куда доставили тридцатисемилетнюю женщину с очередной попыткой суицида. После непродолжительной беседы с пациенткой врач отменяет все лекарства, прописывает плацебо, понимая, что проблема кроется в глубокой психологической травме. Чжан Лин прибегает к приему ретроспекции, и история девочки, пережившей землетрясение, представляется результатом воспоминаний, которые героиня хранит глубоко внутри и которые всплывают в результате бесед с врачом. Основное действие произведения разворачивается в Торонто, но большая часть художественного пространства и времени отведена событиям тридцатилетней давности, когда и произошло стихийное бедствие. Двойняшки семи лет, старшая девочка и младший мальчик, оказываются под завалами, спасти можно только одного ребенка, мать делает выбор в пользу сына. Это дается женщине нелегко, она бережно хранит память о дочери и страдает, но чудом выжившая девочка навсегда запомнила мамин голос, называющий спасателям имя брата. Ключевым и трагичным для ребенка становится не сам факт землетрясения, а вынужденный выбор матери.

«Послесшок» испытывают брат, который лишился руки, мать, потерявшая мужа и бросившая дочь, сама героиня, которая до настоящего момента не может понять, где ее дом. На первый взгляд молодая женщина производит впечатление человека очень сдержанного, закрытого, практически лишённого эмоций, что в полной мере отражает такую традиционную черту национального характера китайцев, как интровертность, умение держать себя в рамках приличия. С другой стороны, попытка самоубийства буквально противоречит этому, ведь нет причин быть недовольным своей судьбой при всех внешних состав-

¹张翎.遗憾, 补缺, 还有感动 // 唐山大地震. 广州: 花城出版社, 2013. 页2. (Чжан Лин. Сожалеть, заполнить пустоту и растрогать // Таншаньское великое землетрясение. Гуанчжоу, 2013. С. 2).

ляющих благополучия: муж, дочь, жилье, долгожданная публикация собственной книги.

Доктор приходит к выводу, что вылечить пациентку могут только слезы, она должна выплакаться. В лечении он обращается к психоанализу как одному из традиционных методов, используемых в западной психотерапии. Неразрешенные вопросы, неуверенность в себе, чувство одиночества, тяжелая психологическая травма брошенного ребенка оказались теми остаточными толчками после землетрясения, о которых заявлено в названии повести. У героини расстраиваются отношения с мужем, она не может найти общий язык с дочерью; она никак не может открыть окно, которое представляет, закрыв глаза, на сеансе психотерапии. В конце повести героиня решает поехать на родину, ведь «в каком-то уголке Китая на самом деле есть надгробие с моим именем, вырезанным на нем. <...> Возможно, мне, правда, следует отправиться посмотреть на ту надгробную доску, которая давила на меня всю мою жизнь?». Писательница опускает объяснения, а в последней строке повествования приводит текст факса, который получил доктор: «Генри, я, наконец, распахнула то окно. Сяодэн»¹. Такой прием совершенно противоречит китайской литературной традиции, иначе внимание было бы уделено деталям, фактам, событиям, подробно описанным действиям героини, которые предшествовали этому финальному исходу.

В повести «Послешок» Чжан Лин обращается к реальному историческому событию, которое напрямую не коррелирует с историей ее или ее семьи. В произведении «на самом деле рассматривается не землетрясение. Землетрясение представляет собой лишь декорацию, оно порождает жестокий выбор, который встает перед матерью: решить дальнейшую судьбу сестры и брата. <...> И то, о чем действительно хочется говорить, так это о духовной составляющей того, что случается после землетрясения»². В данной повести Чжан Лин делает акцент на исследовании причинно-следственной природы психологического портрета человека.

В повести «Овца» затрагивается история освоения христианскими миссионерами Вэньчжоу в последнее десятилетие XIX в. Это позволяет автору создать отнюдь не характерную для ее повествования ситуацию нахождения представителя западной цивилизации (пастора) в китайской среде, а не наоборот. Неизбежное столкновение восточного и за-

¹张翎. 余震 (Чжан Лин. Послешок [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_a6f7df760101aq96.html (дата обращения: 10.01.2015)).

²张翎. 遗憾, 补缺, 还有感动 // 唐山大地震. 广州: 花城出版社, 2013. 页2 (Чжан Лин. Сожалеть, заполнить пустоту и растрогать. С. 2).

падного мироощущения неожиданно приводит не к конфронтации, а к мирному симбиозу: каждый герой (героиня) извлекает из чужой религиозно-культурной традиции нечто полезное для себя.

Главный герой повести «Где спрятаны стихи» в юности был одним из многих представителей грамотной и образованной молодежи, отправленных в сельские районы для культурного перевоспитания под руководством «бедняков и середняков». Писательница обращается к прошлому и его роли в судьбе личности, значению всей череды событий в формировании творческого индивидуального мышления.

На психику матери главной героини в повести «Пустое гнездо» неизгладимый отпечаток наложил опыт детства, лишённого родительского внимания и заботы. Пока ее мать и отец участвовали в Гражданской войне и построении новой страны под руководством Коммунистической партии Китая (КПК), девочка росла сама по себе. Чжан Лин кратко описывает этапы воспитания Яньань, которые были распространённой практикой в тот период. До шести лет ребенок рос в семье местных крестьян, затем в детском доме, который постоянно переезжал с места на место. Позже девочку воспитывала няня, поскольку родители занимали административные должности и не могли в полной мере заботиться о детях. Чжан Лин подводит итог: «У Ли Яньань никогда не было ощущения детства. После первого младенческого крика она как будто взяла на себя обязанность быть взрослой, заботиться о себе и о других. Это ощущение, как артерия, от начала и до конца красной нитью пронизывало ее отношения с Хэ Чуньянем¹». Яньань изображена женщиной с сильным характером, которая помогла мужу пережить арест как следствие активизации кампании по «борьбе с правыми элементами» в ходе «культурной революции»; отправку в деревню на перевоспитание и последующую реабилитацию. Привыкнув постоянно держать удар и всегда быть в напряжении, женщина оказалась не готова к спокойной мирной жизни: «Расслабившись, она уподобилась луже воды, пролитой на землю, произвольно блуждающей вдоль по трещинам на поверхности. Хотя по-прежнему двигалась, но уже больше никуда не спешила с прежней целеустремленностью и энтузиазмом. Единственно, куда бы она ни пошла, везде была безысходность и подчинение судьбе»². Предотвратив в прошлом попытку самоубийства мужа, она покончила с собой, когда внешних предпосылок такого поступка уже не было. Чжан Лин вводит в повествование подробности из прошлого Ли Яньань

¹张翎. 空巢 (Чжан Лин. Пустое гнездо [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_a6f7df760101aq9l.html (дата обращения: 01.10.2009)).

²Там же.

как объяснение и источник ощущения одиночества и бессмысленности существования героини.

В основе сюжета повести «А-си идет в школу» — история первых китайских переселенцев в Канаде. События разворачиваются в конце династии Цин. В то время в среде китайских эмигрантов за Канадой закрепилось говорящее название «Золотая гора»¹ (金山 — *Цзиньшань*), а за Ванкувером, в китайском квартале которого живет главная героиня, — «Пристань соленой воды» (咸水埠 — *Сяньшуйбу*). Именно эти топонимы используются в тексте. Находясь в другой части света, практически в изоляции от родины, герои слышат отголоски бурных перемен, захлестнувших Китай на рубеже веков и смены форм правления. «Поселив» героиню за рубежом, Чжан Лин демонстрирует мобильность, открытость и готовность молодого поколения китайцев к переменам и межкультурному диалогу с представителями других наций.

В романе «Схватки» Чжан Лин в единое целое связывает несколько историй — страны и одной семьи, которые развиваются параллельно, дополняя друг друга. Произведение охватывает большой промежуток времени: действие первой части происходит в 1942–1943 гг., а последней — в 2008 г. Роман посвящен судьбе женщин, представляющих разные поколения одной семьи. Книга состоит из четырех частей. Каждая из первых трех описывает отрезок жизни одной из героинь: все они рожают девочек — героинь последующих частей. В последней, самой короткой, объемом в одну страницу, описывается лишь один момент из жизни семилетней девочки. У нее вся жизнь впереди, но Чжан Лин дает понять, что судьба в некоторой степени предопределена, так как обусловлена историей и жизнью предыдущих поколений. Личный опыт прабабушки, бабушки и мамы глубоко врезался в сознание ребенка. Женщины выступают очевидицами знаковых политических событий и общественных явлений: война сопротивления японским захватчикам, образование КНР в результате победы КПК в Гражданской войне, «культурная революция», движение борьбы с правыми элементами, политика «Большого скачка», культурная открытость Китая 1990-х гг. и т. д. В контексте анализа исторического прошлого в творчестве Чжан Лин название романа представляется метафорой: в *схватках* времени и муках истории страна порождает нового человека.

В послесловии к роману Чжан Лин пишет, что обратилась к опыту своей бабушки, которая рожала одиннадцать раз и выходила десять де-

¹ Изначально Золотой горой назывался район горного хребта Роки-Маунтин (*Rocky Mountains*) в системе Кордильер Северной Америки, на западе США и Канады.

тей (беспрецедентный процент выживаемости того времени): «Будучи ее внучкой и писателем, отделенная десятилетиями времени и пространства, я оглянулась на бабушкину жизнь и с грустью увидела слабую женщину, изо дня в день, из года в год ползком, на четвереньках, молча вскарабкивающуюся по дороге в беспокойный век катастроф и потрясений»¹. Писательница поясняет, что одним из поводов к написанию данного романа стало «ныне модное» словосочетание «генная память». Но первостепенным было желание показать, что «страдания женщины навряд ли составляют страдания эпохи, но вот страдания эпохи обязательно заставляют страдать женщину»².

Обращение к семейной триаде поколений не только соответствует традиционным культурным представлениям и влиянию патриархальной системы, но и иллюстрирует обусловленность *настоящего прошлым*, единство и взаимосвязь истории индивида, семьи и общества. В модели семьи это преобразуется в триединство «мой отец – я – мой сын». Патриархальная семейная система и доминирование общественного начала над индивидуальным порождают фамилизм. В отличие от семейственности, корнем которой является семья, китайский фамилизм в качестве высшей ценности подразумевает всю родовую систему, весь клан, «три поколения под одной крышей». В творчестве Чжан Лин маскулидная триада трансформируется в феминную: Шангуань Иньчунь – Сунь Сяотао – Сун Ушэн («Схватки»), Хуан Синьюй – Мойнь – Линлин («Возвращение в Цзаоси»), матушка Сян – Пинфань – Чунчун («Родителей с собой»). Из трех поколений именно представительницы старшего оказываются носителями исторической и семейной памяти.

Примером преемственности триады «общество (государство) – семья – индивид» в литературе КНР служат известные романы Мо Яня, в которых через частные образы воспроизводятся типичные для описываемой эпохи характеры. В романе «Красный гаолян» писатель совмещает мотив поиска семейных корней и историю рода на протяжении трех поколений и «накладывает реальные исторические события (антияпонская война) на вымышленную историю “любви”»³. В предисловии к роману «Большая грудь, широкий зад» Мо Янь пишет: «Для меня эта книга – дань не только моей матери, но и всем матерям Поднебесной. <...> Пусть этот образ матери немало разнится с образами матерей в произведениях прошлого, но все же я считаю ее великой матерью, более того –

¹张翎. 阵痛. 北京: 作家出版社, 2014. 页335 (Чжан Лин. Схватки. Пекин, 2014. С. 335).

²Там же. С. 337.

³Цыренова Д. С. Магический реализм в творчестве Мо Яня // Вестн. Бурят. ГУ. 2010. № 8. С. 136.

полагаю, что она еще в большей степени воплощает материнское начало, расширяя существующие стереотипные представления»¹. Через переживания Симэнь Нао в романе «Устал родиться и умирать» Мо Янь показывает перемены, которые сотрясали Китай во второй половине XX в. Герой будто застыл во времени и поэтому смог наблюдать смену поколений своей семьи и социокультурные метаморфозы в обществе.

Д. Н. Воскресенский считает закономерным, что китайская литература после 1980-х гг. «наполнилась отголосками событий... не слишком далеких лет»; «обращение к недавнему прошлому и его “критическое осмысление” (反思) отразилось во множестве сюжетов, которые мы находим не только у литераторов старшего поколения (таких как Ба Цзинь, Ван Мэн, Чжан Цзе, Лю Синь, Фэн Цицай, Цзун Пу и др.), на себе ощутивших бессмысленную жестокость многих политических кампаний, но и у более молодых писателей (Юй Хуа, Су Тун, Мо Янь, Ван Аньи)»². В статье с говорящим названием «Китайская культура на пути возрождения» Ли Цзинцзэ отмечает, что в настоящее время наследие прошлого переосмысливается, но «традиционная культура не восстанавливается в первоизданном виде, напротив – древняя классика, народная культура и искусство воспринимаются сейчас как источник творческих сил для обновления»³.

Историзм с китайской спецификой в творчестве Чжан Лин соотносится с «новым историзмом» (新历史主义 – *синь лишичжуи*), или, как отмечает Е. А. Завидовская, «неоисторизмом» китайской постмодернистской литературы: «“Неоисторизм” прочно связан с сомнением части китайских писателей в принципе историзма, отражает кризис детерминизма. На место принципа научного историзма и классовой борьбы, лежавших в основе понимания исторического процесса, заступают индивидуальные воспоминания и вольная интерпретация истории, новая артикуляция символов национальной традиции»⁴.

Таким образом, Чжан Лин обращается преимущественно к фактам из современного и новейшего периодов истории Китая. За индивидом всегда следует прошлое его самого и его семьи. Несмотря на близкое знакомство с социально-политическими последствиями действия го-

¹ *Мо Янь*. Большая грудь, широкий зад. СПб, 2013. С. 7.

² Китайские метаморфозы. Современная китайская художественная проза и эссеистика : пер. с кит. / сост. и отв. ред. Д. Н. Воскресенский. М., 2007. С. 6.

³ *Ли Цзинцзэ*. Китайская культура на пути возрождения [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/e/eudnowa_irina_wiktorowna/lijingze.shtml (дата обращения: 12.09.2014).

⁴ *Завидовская Е. А.* Постмодернизм в современной прозе Китая : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. М., 2005. С. 7–8.

сударственно-идеологической системы, Чжан Лин не берет на себя миссию пророка и не исполняет роль судьи. Писательница занимает позицию стороннего наблюдателя за развитием человеческих отношений. Ее прозе чужды предрассудки, ей не свойственно строгое деление героев, их поступков, исторических событий и периодов только на *черное* и *белое*. Чжан Лин не высказывает прогнозов относительно будущего не только страны, но и своих героев, но выступает свидетелем и описывает истину. Художественное преломление биографического и исторического материала в ее творчестве демонстрирует, что не история сама по себе, но человеческая индивидуальность на фоне истории является объектом внимания писательницы.

Вопросы для самостоятельной подготовки и обсуждения

1. Рецепция китайской литературы в Беларуси в 2018–2021 гг. (Рекомендуется подготовка отдельных докладов по каждому году. Особое внимание следует обратить на периодические издания Беларуси.)

2. Англоязычная китайская литература зарубежья в работах белорусских исследователей. Место и роль данной составляющей в контексте западноевропейской и американской литератур (в сравнении с китайским литературоведением).

3. Современная китайская проза в русскоязычном культурном пространстве (издания переводов 2000-х гг. — наших дней): тематика, проблематика.

4. Современная китайская поэзия в русскоязычном культурном пространстве (издания переводов 2000-х гг. — наших дней): тематика, проблематика.

5. Китайская драма в русскоязычном культурном пространстве (издания переводов 2000-х гг. — наших дней): тематика, проблематика.

6. Жанр автобиографии в китайском, отечественном, российском, западноевропейском литературоведении. Понятия 记, 传, 外史.

7. Автобиография и/или элементы автобиографизма в современной и новейшей китайской литературе.

8. Автобиография vs биография в современной и новейшей китайской литературе.

9. Национальная специфика понятий «история», «историзм», «историзм с китайской спецификой», «неоисторизм» в литературном и культурном контексте Китая.

10. Приемы отображения исторических фактов в творчестве Чжан Лин.

11. Исторические факты в авторской интерпретации на примере произведений Янь Гэлин.

12. Соотношение биографического, автобиографического и исторического начал в творчестве Мо Яня.

13. Жанровые особенности «автобиографии гегемона» «Двойной зрачок» Пань Цзюня.

14. Традиционализм темы тоски по родине в китайской литературе.

15. Мотив путешествий vs мотив скитаний в традиционной китайской литературе (проза, поэзия, драматургия).

16. Социально-экономический портрет китайской диаспоры (на материале статей сборника «Китай на пути к возрождению» (М., 2014) и др.).

17. Мотив странствий и элементы автобиографизма в романе поздней Цин (Лю Э «Путешествие Лао Цаня»).

18. Активная созерцательность и диалог культур в романе Цзян И «Молчаливый странник в Лондоне».

19. Сюжетообразующая роль странствий в творчестве Сань Мао.

20. Дихотомия «свой — чужой» в романе Янь Гэлин «Маленький журавль из мертвой деревни».

21. Эссе «Записки о мытье» Чжан Лин: большое видится на расстоянии.

22. Проблема личностной идентичности в романе «Беспокойные» Лизы Ко.

23. Роль эмиграции в жизни и творчестве Му Синя.

24. Автобиографизм романа Хун Ин «Голодающая».

25. Конфликт индивидуального начала и социентальных ценностей в повести «Пустое гнездо» Чжан Лин.

Темы эссе, курсовых и/или дипломных работ

1. Проблемно-тематическое поле романа «Золотая гора» («金山», 2009) Чжан Лин.

2. Проблемно-тематическое поле романа «Сказание о быстротечности времени» («流年物语», 2016) Чжан Лин.

3. Проблемно-тематическое поле романа «Одинокая ласточка» («劳燕», 2017) Чжан Лин.

4. Структурно-содержательные особенности сборника эссе «Три рода любви» («三种爱», 2020) Чжан Лин.

5. «Клуб радости и удачи» Эми Тан: конфликт или диалог культур?

6. Взаимосвязь поколений в китайской литературе зарубежья («Дикие лебеди» Юн Чжан, «Не говори, что у нас ничего нет» Мадлен Тьен, «Клуб радости и удачи» Эми Тан).

7. Главный герой современного китайского романа: гендерный аспект (на материале романов Мо Яня, Те Нин, Су Туна, Юй Хуа и др.).
8. Дихотомия отображения переосмысления исторической реальности в сборнике эссе «Десятилетие бедствий» Фэн Цзицай.
9. Документальная основа «Неофициальной истории крупного писателя» Чэнь Мяо.
10. Исключительная личность и общество в романе Май Цзя «Заговор».
11. Исповедальность в «Исповеди бывшего хунвэйбина» Лян Сяошэна.
12. Историческая реальность через призму детского восприятия (творчество Цао Вэньсюаня).
13. Исторические аллюзии в научно-фантастической трилогии Лю Цысиня.
14. История китайской деревни в романе «В долине лотосов» Гу Хуа.
15. История личная и общественная в различных сегментах новейшей китайской прозы.
16. Квазиисторизм романа «Последний император» Су Туна.
17. Китайская литература сегодня: интертекстуальность или традиционность?
18. Китайская литературная сказка XX – XXI вв.: национальное и универсальное.
19. Китайская мечта в китайской мигрантской литературе.
20. Концепция семьи в романе Би Фэйюя «Сестры».
21. Кризис кровных уз в условиях реформ в романе Юй Хуа «Братья».
22. Критика национального самосознания в романе «Тотем волка» Цзян Жуна.
23. Литература и кино. Тенденции к экранизации художественных произведений в начале XXI в.
24. Литературные отсылки в романе «Шанхайский синдром» Цю Сяолуна.
25. Личное и общественное в сборнике эссе «Десять слов о Китае» Юй Хуа.
26. Мотив материнства в романах Мо Яня («Женщина в теле», «Лягушки» и др.).
27. Мотив сна в новейшей китайской прозе.
28. Натурализм и символизм романа «Рис» Су Туна.
29. Натурфилософское осмысление мужского и женского начал в трилогии Чжан Сяньляна.
30. Национальная специфика «китайского Андерсена» (Цао Вэньсюаня).
31. Национальный герой в пьесе «Наш Цзин Кэ» Мо Яня.

32. Новейшая китайская литература: конфликт или взаимодействие культур?
33. Новое поколение в романе Лю Чжэньюня «Дети стадной эпохи».
34. Образ изгоя/отшельника/чужого в китайской литературе.
35. Образ национального героя (типический герой) в китайской и белорусской (или) русской литературе: сравнительный аспект.
36. Осмысление роли образования и традиций в современной прозе (Хуан Бэйцзя, Эми Чуа и др.).
37. Особенности психологизма в романе Июнь Ли «Добрее одиночества».
38. Писатели, представляющие мусульманские регионы Китая.
39. Призрак прошлого в романе Чжан Вэя «Старый корабль».
40. Разум и чувства в творчестве Чжан Айлин.
41. Реальность vs история в новейшей китайской литературе.
42. Региональный Китай в творчестве Ван Мэна.
43. Религиозно-культурный синкретизм в романе Лю Чжэньюня «Одно слово стоит тысячи».
44. Роль и место эссеистики в контексте китайской литературы начала XXI в.
45. Современная китайская поэзия: эволюция, революция, деградация?
46. Тема жизнеописаний правителей в китайской литературе 1990-х – 2020-х гг.
47. Традиции и современность в романе Цзя Пинва «Циньские напевы».
48. Трансформация библейских мотивов в повести «Последний день Евы» Фэн Цицзя.
49. Утопия и антиутопия в новейшей китайской литературе: быть или не быть?
50. Художественная деталь в романе Би Фэйюя «Китайский массаж».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев, В. М. История Китая в китайской классической литературе / В. М. Алексеев // Труды по китайской литературе : в 2 кн. / В. М. Алексеев ; сост. М. В. Баньковская ; отв. ред. Б. Л. Рифтин. М., 2002–2003. Кн. 1. 2002. С. 461–553.

Алексеев, В. М. Новый Китай есть старый + новый... / В. М. Алексеев // Труды по китайской литературе : в 2 кн. / В. М. Алексеев ; сост. М. В. Баньковская ; отв. ред. Б. Л. Рифтин. М., 2002–2003. Кн. 2. 2003. С. 269–365.

Андреев, А. Н. Теория литературы : в 2 ч. / А. Н. Андреев. Минск, 2010. Ч. 1 : Художественное произведение.

Афонасенко, Е. В. Особенности этнического самосознания современных китайцев [Электронный ресурс] / Е. В. Афонасенко // Развитие личности. 2004. № 1. Режим доступа: <http://rl-online.ru/articles/1-04/420.html>. Дата доступа: 09.11.2014.

Батлер, Дж. Чисто культурное / Дж. Батлер // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия / под ред. С. Жеребкина. Харьков ; СПб, 2001. С. 289–305.

Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. М., 1975.

Бахтызин, А. М. Границы идентичности: западные и восточные традиции [Электронный ресурс] / А. М. Бахтызин. Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/bakhtyzin/east07_05.html. Дата доступа: 12.04.2008.

Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. СПб., 2012.

Бергер, П. Теории идентичности [Электронный ресурс] / П. Бергер, Т. Лукман. Режим доступа: <http://evolkov.net/soc.psychol/Berger.P.Luckmann.T/index.html>. Дата доступа: 01.03.2006.

Березный, Л. А. Становление и развитие национального самосознания ханьцев / Л. А. Березный // Общество и государство в Китае : тез. и докл. XI науч. конф. : в 2 ч. М., 1980. Ч. 2. С. 151–158.

Беруби, М. Литература постмодернизма: черная кошка в темной комнате [Электронный ресурс] / М. Беруби ; пер. с англ. О. Юрченко, Б. Кузьминского. Режим доступа: http://old.russ.ru/krug/20000704_pomo.html. Дата доступа: 10.04.2015.

Бо, Ян. Эти отвратительные китайцы [Электронный ресурс] / Бо Ян. Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/eti-otvratitelnye-kitajcy-fragmenty-knigi-read-336336-1.html>. Дата доступа: 14.05.2015.

Боревская, Н. Е. Китайская культура во времени и пространстве. 50 и 50 – век в китаеведении / Н. Е. Боревская, С. А. Торопцев. М., 2010.

Борисенко, А. Американская дочь [Электронный ресурс] / А. Борисенко // Иностр. лит. 2003. № 3. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/3/bor.html>. Дата доступа: 14.05.2015.

Боронина, И. А. О взаимосвязях классических литератур Японии и Китая. Поэтика реминисценций / И. А. Боронина // Слово и мудрость Востока. Литература, фольклор, культура: к 60-летию академика А.Б. Куделина / отв. ред. Н. И. Никулин. М., 2006. С. 355–364.

Бромлей, Ю. В. Человек в этнической (национальной) системе [Электронный ресурс] / Ю. В. Бромлей // Вопр. философии. 1988. № 7. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_1083.html. Дата доступа: 22.07.2015.

Буров, В. Г. Китай и китайцы глазами российского ученого / В. Г. Буров. М., 2000.

Буров, В. Г. Китайский путь к «китайской мечте»: идея возрождения нации объединяет все слои общества в Поднебесной [Электронный ресурс] / В. Г. Буров // Лит. газ. 2013. № 45. Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/-45-6438-13-11-2013/kitayskiy-put-k-kitayskoj-mechte>. Дата доступа: 09.11.2014.

Буров, В. Г. Патриотизм с китайским разрезом [Электронный ресурс] / В. Г. Буров // Лит. газ. 2010. № 45–46. Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/N45-46--6299---2010-11-17-/Patriotizm-s-kitayskim-razr%D0%B5zom14496>. Дата доступа: 09.11.2014.

Буров, В. Г. Поднебесная принадлежит всем. О духовной составляющей социализма с китайской спецификой [Электронный ресурс] / В. Г. Буров // Лит. газ. 2009. № 36. Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/N36--6240---2009-09-09-/%C2%ABPodn%D0%B5b%D0%B5snaya-prinadl%D0%B5zhitvs%D0%B5m%C2%BB10043>. Дата доступа: 10.12.2013.

Бутенина, Е. М. Гибридная идентичность как литературная проблема (на материале китайско-американской женской прозы XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. / Е. М. Бутенина ; ДВГУ. М., 2006.

Бутенина, Е. М. Межкультурные топосы в китайско-американской литературе / Е. М. Бутенина // Вестн. Том. гос. ун-та. Томск. 2011. Вып. 343. С. 10–14.

Бутырчык, Г. М. Вобразы-сімвалы ў рамане Эмі Тан «Жонка кухоннага бога» / Г. М. Бутырчык // Беларускае літаратуразнаўства. Навукова-метадычны зборнік. Мінск, 2007. Вып. 5. С. 174–182.

Бутырчык, Г. М. Калі прыгнечаныя пачынаюць гаварыць: ГОЛАС – МАЎЧАННЕ ў творчасці Эмі Тан / Г. М. Бутырчык // Чтение: рецепция и интерпретация : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. Гродно, 2011. Ч. 2. С. 225–233.

Бутырчык, Г. М. Памяць і забыццё ў рамане Э. Тан «Дачка кастаправа» / Г. М. Бутырчык // Американские и европейские исследования 2008–2009. Минск, 2010. С. 31–43.

Ван, Цзябо. Открытый реализм как выбор современных писателей КНР / Ван Цзябо // Литература и культура народов Востока / отв. ред. С. В. Зинин. М., 1991. С. 23–36.

Воронин, С. Н. Выражение национального самосознания в китайской пейзажной лирике [Электронный ресурс] / С. Н. Воронин. Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature4/voronin-07.htm>. Дата доступа: 19.03.2014.

Воскресенский, Д. Н. Вместо послесловия. О взаимосвязи истории литературы в Китае / Д. Н. Воскресенский // Литературный Китай в XVII веке: судьбы истории, философии и социального бытия в китайской классической литературно-художественной традиции / Д. Н. Воскресенский, А. Д. Воскресенский. М., 2009. С. 136–150.

Вундт, В. Проблемы психологии народов [Электронный ресурс] / В. Вундт ; пер. с нем. и предисл. Н. Самсонова. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/vundt04.htm>. Дата доступа: 02.02.2015.

Гаджиев, К. С. Вестернизация или особый путь модернизации? / К. С. Гаджиев // Полис. Полит. исслед. 2008. № 4. С. 148–162.

Галенович, Ю. М. Китайские сюжеты: чем доволен и недоволен Китай / Ю. М. Галенович. М., 2010.

Гао, Синцзянь. Право литературы на существование. Нобелевская лекция 2000 [Электронный ресурс] / Гао Синцзянь // Звезда. 2001. № 10. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/10/gao.html>. Дата доступа: 10.12.2014.

Гачев, Г. Д. Космо-Психо-Логос. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. М., 2007.

Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира / Г. Д. Гачев. М., 2008.

Говард, М. Сучасная культурная антрапалогія / М. Говард ; пер. з англ. І. Карпікава, М. Раманоўскага, А. Шыманскага ; пад рэд. П. Церашковіча. Мінск, 1995.

Гольгина, К. И. Великий предел: китайская модель мира в литературе и культуре (I–XIII вв.) / К. И. Гольгина. М., 1995.

Гольгина, К. И. Теория изящной словесности в Китае XIX – начала XX в. / К. И. Гольгина. М., 1971.

Гольшева, А. И. Современная англо-канадская литература / А. И. Гольшева. М., 1973.

Гольдблатт, Г. Современная китайская литература [Электронный ресурс] / Г. Гольдблатт ; пер. с англ. Л. Ивлева. Режим доступа: <http://sanwen.ru/2011/12/21/govard-goldblatt-i-sovremennaya-kita>. Дата доступа: 06.06.2014.

Гордей, А. Н. Модель мира как основание перевода / А. Н. Гордей // Язык. Знание. Коммуникация. Культура: аутентичные материалы для самостоятельной работы : в 3 ч. Минск: МГЛУ, 2006. Ч. 3. С. 45–49.

Гордон, А. В. Национальное величие и национализм в нынешнем Китае / А. В. Гордон, В. С. Олишевко // Соц. и гуманитар. науки. Зарубеж. лит. Сер. 10, Китаеведение. 2001. № 2. С. 57–65.

Гране, М. Китайская мысль / М. Гране ; пер. с фр. В. Б. Иорданского ; под общ. ред. И. И. Семененко. М., 2004.

Григорьева, Т. П. Дао и Логос (встреча культур) / Т. П. Григорьева. М., 1992.

Грушевицкая, Т. Г. Сущность и формирование культурной идентичности [Электронный ресурс] / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин // Основы межкультурной коммуникации : учебник / под ред. А. П. Садохина. М., 2002. Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/intercult/mki/htm>. Дата доступа: 09.03.2013.

Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. М., 2007.

Девятов, А. П. Китайская специфика как понял ее я в разведке и бизнесе / А. П. Девятов. М., 2002.

Дельнов, А. А. Китайская империя. От Сына Неба до Мао Цзэдуна / А. А. Дельнов. М., 2013.

Дерепа, Д. А. «Остановка» Гао Синцзяня / Д. А. Дерепа // Слово и мудрость Востока. Литература, фольклор, культура: к 60-летию академика А. Б. Куделина / отв. ред. Н. И. Никулин. М., 2006. С. 409–423.

Дойникова, Н. Сань Мао: странствия, любовь и литература [Электронный ресурс] / Н. Дойникова. Режим доступа: <http://magazeta.com/2012/06/san-mao>. Дата доступа: 08.03.2015.

Дрейзис, Ю. А. Разработка культурной парадигмы постмодерна в произведениях китайских авангардистов [Электронный ресурс] / Ю. А. Дрейзис // Вопр. лит. 2013. № 1. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2013/1/d16.html>. Дата доступа: 24.07.2015.

Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / Ин-т Дальнего востока ; редкол.: М. Л. Титаренко (гл. ред.) [и др.]. М., 2006–2010. Т. 2 : Мифология. Религия. 2007.

Ермаченко, И. С. Модернизация в Китае и характерные национальные особенности страны / И. С. Ермаченко, Лю Юньбо // Соц. и гуманитар. науки. Зарубеж. лит. Сер. 10, Китаеведение. М., 2003. № 4. С. 75–79.

Желуховцев, А. Н. Современная литература / А. Н. Желуховцев // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / Ин-т Дальнего востока ; редкол.: М. Л. Титаренко (гл. ред.). М., 2006–2010. Т. 3 : Литература. Язык и письменность. 2008. С. 167–175.

Жеребкина, И. А. Феминистская литературная критика [Электронный ресурс] / И. А. Жеребкина. Режим доступа: <http://www.owl.ru/library/004t.htm>. Дата доступа: 02.02.2016.

Жуковец, В. В. Китайская литература в Беларуси: этапы и особенности рецепции / В. В. Жуковец // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2016. № 1. С. 27–31.

Завидовская, Е. А. Постмодернизм в современной прозе Китая : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. / Е. А. Завидовская ; ИВ РАН. М., 2005.

Завидовская, Е. А. Проза тайваньских писательниц: поиски родины и этнического самоопределения / Е. А. Завидовская // Проблемы литератур

Дальнего Востока : материалы IV Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 29 июня – 2 июля 2010 г. : в 3 т. СПб., 2010. Т. 2 / отв. ред.: Е. А. Серебряков, Чэнь Шинцзюнь. С. 350–369.

Захарова, Н. В. Образ красавицы в современной литературе Китая / Н. В. Захарова // Вестн. Москов. гос. лингв. ун-та. 2013. № 22 (682). С. 76–85.

Зельницкий, А. Д. Социокультурные факторы даосско-буддийского взаимодействия в традиционном Китае // Путь Востока: культурная, этническая и религиозная идентичность : материалы науч. конф., Санкт-Петербург, 4 апр. 2004 г. СПб., 2004. Вып. 33. С. 64–67.

Зельницкий, А. Д. Формы «религиозного синкретизма» в Китае: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / А. Д. Зельницкий ; СПбГУ. СПб., 2006.

Ивлев, Л. А. Героиня новой китайской литературы: баба или товарищ? [Электронный ресурс] / Л. А. Ивлев. Режим доступа: <http://sanwen.ru/2011/12/20/86>. Дата доступа: 05.02.2015.

Ивлев, Л. А. Современная китайская литература: когда она была? [Электронный ресурс] / Л. А. Ивлев. Режим доступа: <http://sanwen.ru/2011/12/26/sovremennaya-kitajskaya-literatura-ko>. Дата доступа: 06.03.2015.

Караваева, Е. М. Конфликт поколений в романах Максин Хонг Кингстон и Эми Тэн: к проблеме поиска идентичности в азиатско-американской литературе США последней трети XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Е. М. Караваева ; Моск. гос. обл. ун-т. М., 2009.

Карапетьянц, А. М. У истоков китайской словесности : собр. тр. / А. М. Карапетьянц. М., 2010.

Касевич В. Б. Язык // Введение в востоковедение. Общий курс / отв. ред.: Е. И. Зеленов, В. Б. Касевич. СПб., 2011. С. 25–44.

Касевич, В. Б. Язык и культура (текст лекции) [Электронный ресурс] / В. Б. Касевич. Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/481/38481/files/spr0000040.pdf>. Дата доступа: 10.05.2015.

Кириллов, А. Размытие границ национальных литератур [Электронный ресурс] / А. Кириллов. Режим доступа: <http://sanwen.ru/2014/04/16/gazmytie-granic-nacionalnykh-literatur>. Дата доступа: 01.12.2014.

Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М. Л. Титаренко / отв. ред. С. Г. Лузянин. М., 2014.

Китайские метаморфозы. Современная китайская художественная проза и эссеистика : пер. с кит. / сост. и отв. ред. Д. Н. Воскресенский. М., 2007.

Кобзев, А. И. Проблема природы человека в конфуцианстве (от Конфуция до Ван Янмина) / А. И. Кобзев. М., 1984. С. 207–230.

Кобзев, А. И. Самоопределение китайской культуры и *summa sinologiae* / А. И. Кобзев // Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация : материалы XII Всерос. конф., Москва, 22–23 мая 2006 г. М., 2007. С. 114–122.

Конрад, Н. И. К вопросу о литературных связях / Н. И. Конрад // Интернациональное и национальное в литературах Востока / АН СССР, Ин-т

востоковедения, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1972. С. 5–19.

Корнилов, М. Н. Провинциальные идентичности в Китае: оживление регионализма и воссоздание «китайскости» / М. Н. Корнилов, Т. Оукес // Соц. и гуманитар. науки. Зарубеж. лит. Сер. 10, Китаеведение. 2001. № 4. С. 5–9.

Корнилов, М. Н. Пространство, время и история в культурной традиции Китая / М. Н. Корнилов // Соц. и гуманитар. науки. Зарубеж. лит. Сер. 10, Китаеведение. 2000. № 1. С. 101–110.

Корнилов, М. Н. Сиба Есинобу: существует ли «chineseness»? «Китайский характер» в исторической перспективе / М. Н. Корнилов // Соц. и гуманитар. науки. Зарубеж. лит. Сер. 10, Китаеведение. 2001. № 1. С. 77–81.

Коровина, С. Г. Творчество Эми Тань 1980–90-х гг. в контексте азиатско-американской литературной традиции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / С. Г. Коровина ; Казан. гос. ун-т. Казань, 2002.

Корсун, В. А. Идентичность с «китайской спецификой» [Электронный ресурс] / В. А. Корсун // Полис. Полит. исслед. 2008. № 3. Режим доступа: http://www.politstudies.ru/index.php?id=3988 &page_id=453. Дата доступа: 09.11.2014.

Кравцова, М. Е. Женский образ в китайской лирике [Электронный ресурс] / М. Е. Кравцова. Режим доступа: http://www.synologia.ru/a/Женский_образ_в_китайской_лирике. Дата доступа: 11.05.2015.

Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. СПб., 2003.

Крюков, М. В. Древние Китайцы: проблемы этногенеза / М. В. Крюков, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. М., 1978.

Крюков, М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.) / М. В. Крюков, В. В. Малявин, М. В. Сафронов. М., 1984.

Крюков, М. В. Китайский этнос на пороге средних веков / М. В. Крюков, В. В. Малявин, М. В. Сафронов. М., 1979.

Куприянова, Ю. А. Образ новой женщины Китая середины XX века в произведениях Чжан Айлин / Ю. А. Куприянова // Вестн. СПбГУ. Сер. 13, Востоковедение и африканистика. 2014. Вып. 4. С. 100–107.

Лайнгер, С. Р. К вопросу о связях китайской эмиграции с Китаем (вторая половина 19 – начало 20 в.) / С. Р. Лайнгер // История и культура Китая / АН СССР, Ин-т востоковедения. М., 1974. С. 385–404.

Ли, Синьмэй. Русский и китайский литературный постмодернизм: сопоставительный анализ / Ли Синьмэй // Рус. яз. за рубежом. 2005. № 4 (198). С. 88–91.

Ли, Цзинцзэ. Китайская культура на пути возрождения [Электронный ресурс] / Ли Цзинцзэ ; пер. И. Чудновой. Режим доступа: http://samlib.ru/e/eudnowa_irina_wiktorowna/lijingze.shtml. Дата доступа: 12.09.2014.

Линь, Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ / Линь Юйтан ; пер. с кит. и предисл. Н. А. Спешнева. М., 2010.

Лисевич, И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков / И. С. Лисевич. М., 1979.

Лисевич, И. С. Мозаика древнекитайской культуры: избранное / И. С. Лисевич ; сост. Н. И. Фомина ; ИВ РАН. М., 2010.

Лихачев, Д. С. Очерки по философии художественного творчества / Д. С. Лихачев. 2-е изд., доп. СПб., 1999.

Львовский, С. Бэй Дао: «Первая половина XX века была для поэзии “золотым веком”. Сейчас – время упадка». Интервью [Электронный ресурс] / С. Львовский. Режим доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/17771/?expand=yes#expand>. Дата доступа: 03.02.2016.

Льюис, Р. Д. Классификация культур. Использование времени [Электронный ресурс] / Р. Д. Льюис. Режим доступа: <http://www.far-east-chinese.parod.ru/ethnicpsychology/Ljuis/Ljuis23.htm>. Дата доступа: 19.04.2015.

Макарычев, А. С. Регионализм и региональная культурная идентичность [Электронный ресурс] / А. С. Макарычев. Режим доступа: <http://www.ccssu.crimea.ua/internet/Edukation/notes/edition11/n01102.html>. Дата доступа: 10.09.2012.

Малявин, В. В. Евразия и всемирность / В. В. Малявин. М., 2015.

Малявин, В. В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени / В. В. Малявин. М., 2000.

Малявин, В. В. Традиционная эстетика в странах Дальнего Востока / В. В. Малявин. М., 1987.

Маслов, А. А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения / А. А. Маслов. М., 2010.

Медарич, М. Автобиография и автобиографизм / М. Медарич // Автоинтерпретация : сб. ст. / СПбГУ ; под ред. А. Б. Муратова, Л. А. Иезуитовой. СПб, 1998. С. 5–32.

Милонов, В. С. Хань Кэцин: модерн, постмодерн и модернизация Китая / В. С. Милонов // Соц. и гуманитар. науки. Зарубеж. лит. Сер. 10, Китаеведение. 2001. № 2. С. 5–13.

Молдобаев, К. К. Этносоциальная память как форма сохранения и передача национальной идентичности / К. К. Молдобаев // Путь Востока VII. Культурная, этническая и религиозная идентичность. СПб., 2004. С. 18–28.

Молоткова, Ю. В. Перевод китайской лексики с национально-культурным компонентом на русский язык (на примере рассказа Чжу Вэньин «Суэта») / Ю. В. Молоткова // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2015. № 3. С. 55–58.

Накашидзе, И. С. Национальная идентичность и литература в условиях эмиграции / И. С. Накашидзе // Качество жизни населения в условиях модернизации российского общества: Правовые, социокультурные и социально-экономические аспекты : сб. ст. VII Всерос. науч.-практ. конф. Пенза, 2014. С. 114–118.

Национальная специфика литературы — анахронизм или неотъемлемое качество? [Электронный ресурс] / Л. А. Аннинский [и др.]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/9/konf.html>. Дата доступа: 08.10.2003.

Национальный менталитет и языковая личность : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т ; редкол.: Г. С. Двинянинова (отв. ред.) [и др.]. Пермь, 2002.

Образцов, А. В. Литературоведение / А. В. Образцов // Введение в востоковедение. Общий курс / отв. ред.: Е. И. Зеленева, В. Б. Касевич. СПб., 2011. С. 61–135.

Образцов, А. В. Модернизм/модерн / А. В. Образцов // Модернизм в литературах Азии и Африки. Очерки. СПб., 2014. С. 3–93.

Овчаренко, Н. Ф. Канадская литература XX века: три грани эволюции / Н. Ф. Овчаренко. Киев, 1991.

Особенности мировосприятия в восточных сообществах // Введение в востоковедение. Общий курс / отв. ред.: Е. И. Зеленева, В. Б. Касевич. СПб., 2011. С. 150–169.

Павильч, А. А. Сравнительная культурология : учеб. пособие / А. А. Павильч. Минск, 2004.

Папилова, Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина / Е. В. Папилова // Вестн. Москов. гуманит. ун-та им. М. А. Шолохова. Сер.: Филол. науки. 2011. № 4. С. 31–40.

Пивоев, В. М. Этнос и нация: проблемы идентификации [Электронный ресурс] / В. М. Пивоев. Режим доступа: <http://books.google.by/books?id=r6SPAwAAQBAJ&pg=PT105&lpg=PT105&dq#v=onepage&q&f=false>. Дата доступа: 10.11.2014.

Плясенко, Н. А. Влияние западной литературы на современную китайскую эссеистику / Н. А. Плясенко // Вестн. Москов. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 3 (714). С. 173–181.

Плясенко, Н. А. Подходы к изучению национальной идентичности в китайской эссеистике 1980-х гг. / Н. А. Плясенко // Проблемы литератур Дальнего Востока : материалы V Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 27 июня – 1 июля 2012 г. / отв. ред.: Е. А. Серебряков, Фудзита Рина. СПб., 2012. Т. 1. С. 467–476.

Поваляева, Н. С. Английская женская проза XX века / Н. С. Поваляева. Минск, 2005.

Поляков, О. Ю. К истокам интерпретации национального текста литератур (предыстория имагологии) / О. Ю. Поляков // Проблемы национального глазами Старого и Нового света : сб. науч. ст. : в 2 ч. Минск, 2015. Ч. 1 / под ред. Ю. В. Стулова. С. 71–76.

Померани, Г. С. Некоторые особенности литературного процесса на Востоке / Г. С. Померани // Литература и культура Китая : сб. ст. к 90-летию со дня рождения акад. В. М. Алексеева ; редкол.: Н. Т. Федоренко (пред.) [и др.]. М., 1972. С. 292–303.

Попова, М. К. Национальная ментальность и национальные литературы в (пост)имперскую эпоху / М. К. Попова, П. А. Бороздина, Т. А. Тернова. Воронеж, 2006.

Попова, М. К. Проблема национальной идентичности и литература / М. К. Попова // Вестн. ВГУ. Сер. 1, Гуманит. науки. 2001. № 2. С. 45–48.

Почагина, О. В. Семья [в Китае]: новые формы – иные ценности [Электронный ресурс] / О. В. Почагина // Отечествен. зап. 2008. № 3. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/analit06.php>. Дата доступа: 01.03.2015.

Проблемы культурного взаимодействия. Культурные коммуникации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/theory_cult-ilonnik-bolshakova-2008-a.htm#_Toc209958218. – Дата доступа: 10.05.2015.

Родионов, А. А. Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе XX века / А. А. Родионов. СПб., 2006.

Родионова, О. П. В погоне за мудростью: жизнь и творчество Чжан Сяньляна / О. П. Родионова. СПб., 2006. С. 240–250.

Самойлов, Н. А. «Синологизм» Гу Миндуна: «второе пришествие» Эдварда Саида или альтернатива «ориентализму»? / Н. А. Самойлов // Азия и Африка в меняющемся мире: тез. докл. XXVIII Междунар. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апр. 2015 г. / отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб, 2015. С. 176–177.

Селезнев, А. А. Современный китайский рассказ: некоторые тенденции развития в конце 70-ых – нач. 80-ых гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.06 / А. А. Селезнев; ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1987.

Семенов, И. С. Идентичность в системе координат мирового развития / И. С. Семенов, В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. Полит. исслед. 2010. № 3. С. 40–59.

Семенюк, М. В. «Шанхайский» стиль в современной литературе Китая / М. В. Семенюк // Общество и государство в Китае. М., 2013. Т. XLIII, ч. 1 / редкол.: А. И. Кобзев [и др.]. 2013. С. 642–644.

Серебряков, Е. А. Справочник по истории литературы Китая (XII в. до н. э. – начало XXI в.): имена литераторов, названия произведений, литературоведческие и культурологические термины в иероглифическом написании, русской транскрипции и переводе / Е. А. Серебряков, А. А. Родионов, О. П. Родионова. М., 2005.

Синецкая, Э. А. О национальных особенностях китайского феминизма / Э. А. Синецкая // Общество и государство в Китае: материалы XXXLII науч. конф. к 100-летию со дня рожд. Л. И. Думана / Ин-т востоковедения; сост. и отв. ред. С. И. Блюмхен. М., 2007. С. 335–352.

Синецкая, Э. А. «Революция свершилась»: новые идеи, мораль и формы жизни накануне и после Синьхайской революции / Э. А. Синецкая // Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации: сб. ст. М. С. 126–144.

Спешнев, Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии / Н. А. Спешнев. СПб., 2011.

Спешнев, Н. А. О некоторых стилистических особенностях китайского художественного текста / Н. А. Спешнев // Фэн Цицай. Чудаки. СПб., 2006. С. 13–33.

Сторожук, А. Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан / А. Г. Сторожук. СПб., 2010.

Суровцев, Ю. И. Национальное своеобразие и национальный характер / Ю. И. Суровцев // Интернациональное и национальное в литературах Востока / АН СССР, Ин-т востоковедения, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1972. С. 25–50.

Тань, Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / А. Тань. М., 2004.

Текст. Особенности мировосприятия в восточных сообществах // Введение в востоковедение. Общий курс / отв. ред.: Е. И. Зеленев, В. Б. Касевич. СПб., 2011. С. 45–60, 150–169.

Тертицкий, К. М. Китайские синкретические религии в XX веке / К. М. Тертицкий. М., 2000. С. 3–95.

Тертицкий, К. М. Традиционная система ценностей у современных китайцев : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / К. М. Тертицкий ; ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1992.

Ткаченко, Г. А. Избранные труды. Китайская космология и антропология / Г. А. Ткаченко. М., 2008.

Тлостанова, М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М. В. Тлостанова. М., 2000.

Торчинов, Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного / Е. А. Торчинов. СПб., 2007. С. 7–210.

Ту, Вэймин. Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл / Ту Вэймин // Полис. Полит. исслед. 2012. № 1. С. 7–25.

Турушева, Н. В. Современная китайская литература как отражение социальных процессов в КНР / Н. В. Турушева // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 383. С. 126–132.

Федоренко, Н. Т. Проблемы исследования китайской литературы / Н. Т. Федоренко. М., 1974.

Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. А. Велимеева. М., 2011.

Хузиятова, Н. К. Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Н. К. Хузиятова ; СПбГУ. СПб., 2008.

Хузиятова, Н. К. Проекты «модернизации» современной китайской литературы в контексте глобализации / Н. К. Хузиятова // Вестн. ЧитГУ. 2008. № 4 (49). С. 80–85.

Хузиятова, Н. К. Современная китайская эссеистика как поиск идентичности и «русский» Харбин Чжан Канкан / Н. К. Хузиятова, Н. А. Плясенко // Проблемы литератур Дальнего Востока : сб. материалов VI Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 25–29 июня 2014 г. / отв. ред.: А. А. Родионов, Гуань Цзисинь, П. Л. Гроховский. СПб., 2014. С. 383–391.

Хузиятова, Н. К. Становление и развитие модернизма в современной китайской литературе [Электронный ресурс] / Н. К. Хузиятова. Режим доступа: <http://www.lib.csu.ru/vch/137/023.pdf>. Дата доступа: 17.04.2014.

Цыренова, Д. С. Магический реализм в творчестве Мо Яня / Д. С. Цыренова // Вестн. Бурят. ГУ. 2010. № 8. С. 134–137.

Чжан, Айлин. Мечта о таланте [Электронный ресурс] / Чжан Айлин ; пер. с кит. А. Воробьевой. Режим доступа: <http://sanwen.ru/2012/03/28/chzhan-ajilin-mechta-o-talante>. Дата доступа: 06.03.2015.

Чжан, Цзяньхуа. Китайский картофель и русские деревенщики [Электронный ресурс] / Чжан Цзяньхуа, Н. Горлова // Лит. газ. 2003. № 46. Режим доступа: <http://www.lgz.ru>. Дата доступа: 05.04.2008.

Шамякина, Т. И. Мифологическое пространство в китайской культуре / Т. И. Шамякина // Беларусь – Китай. Китай в современном мире : сб. науч. тр. Минск, 2011. Вып. 10. С. 50–58.

Щепановская, Е. М. Мифологические архетипы как ядро ментальности национальных культур (на примере Индии и Китая) [Электронный ресурс] / Е. М. Щепановская. Режим доступа: <http://www.culturalnet.ru/main/fileex/24>. Дата доступа: 19.03.2014.

Этническая история китайцев в XIX – начале XX века / М. В. Крюков [и др.]. М., 1993.

Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени / М. В. Крюков [и др.]. М., 1987.

Agnew, V. Diaspora, Memory and Identity: A Search for Home [Electronic resource] / V. Agnew. Mode of access: http://books.google.by/books?id=hPYY4mCimcC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbv_ViewAPI&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false. Date of access: 02.05.2015.

Beller, M. Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters / M. Beller, J. Leerssen. NY, 2007. P. 3–32.

Dyserinck, H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity [Electronic resource] / H. Dyserinck // Scholarly Review of the International Association of Intercultural Studies (I. A. I. S.). 2003. № 3. Mode of access: <http://www.intercultural-studies.org/IC1.html>. Date of access: 17.05.2015.

Egan, An. The Publishing Deficit (Exporting Chinese novels to the West) / An. Egan // City Weekend. Beijing. 2005. September 29 – October 12. P. 17–19.

Gu, Ming Dong. Sinologism, the Western World View, and the Chinese Perspective [Electronic resource] / Gu Ming Dong // CLCWeb: Comparative Literature and Culture: Thematic Issue Asian Culture(s) and Globalization / ed.: Chun Wang and Li Guo. 2013. P. 2–9.

Hall, S. The Question of Cultural Identity / S. Hall // Modernity. An Introduction to Modern Societies / ed.: S. Hall [et al.]. Wiley-Blackwell, 1995. P. 596–623.

Holden, L. Chasing Amy / L. Holden // City Weekend. Beijing, 2007. Vol. 6, iss. 5. P. 13–15.

Huang, Lijie. Chinese author Zhang Ling births a world of tenacious women in her latest book («Contractions») [Electronic resource] / Huang Lijie. Mode of access: <http://www.straitstimes.com/the-big-story/singapore-writers-festival-2014/story/chinese-author-zhang-ling-births-world-tenacious#1>. Date of access: 09.05.2015.

Jing, M. Wang. The Emergence of Modern Chinese Women's Autobiography / Wang Jing M. // When «I» was Born: Women's Autobiography in modern China, Wisconsin, 2008. P. 16–31.

Kubin, W. Die chinesische Literatur im 20. Jahrhundert / W. Kubin. München, 2005. S. 3–19.

Kühner, H. Interkulturelle Begegnungen in der chinesischen Literatur des 20. Jahrhunderts: Wahrnehmung und Darstellung «des Westens» von Lao She bis Gao Xingjiang / H. Kühner // China und die Wahrnehmung der Wel. Jahrbuch der Deutschen Vereinigung für Chinastudien / hg.: Antje Richter, Helmolt Vittinghoff. 2007. № 3. S. 245–271.

Leung, L. Overseas Chinese Literature: A Proposal for Clarification / L. Leung // Reading Chinese Transnationalisms: Society, Literature, Film / ed.: Maria N. Ng, Philip Holden. Hong Kong, 2006. P. 117–128.

Li, Jingze. Speechless Literature [Electronic resource] / Li Jingze. Mode of access: <http://english.caixin.com/2010-01-10/100107027.html>. Date of access: 13.02.2015.

Lin, Li-chen. The concepts of time and position in the “Book of Change” and their development / Lin Li-chen // Time and space in Chinese culture / Chun-chieh Huang, Erik Zürcher. Leiden, 1995. P. 89–113.

McLaren, L. Why three prominent Chinese-Canadian writers launched a \$10-million plagiarism suit against Ling Zhang [Electronic resource] / L. McLaren. Mode of access: <http://www.torontolife.com/informer/features/2011/12/21/something-borrowed>. Date of access: 16.09.2014.

Oakes, T. China's Provincial: Reviving Regionalism and Reinventing «Chineseness» / T. Oakes // The J. of Asian Studies. 2000. Vol. 59, № 3. P. 667–692.

Schiller, B. Literary feud in China puts book in limbo in Canada [Electronic resource] / B. Schiller. Mode of access: http://www.thestar.com/news/canada/2011/02/01/literary_feud_in_china_puts_book_in_limbo_in_canada.html. Date of access: 16.09.2014.

Strimpel, Z. Sunny Tan / Z. Strimpel // Time Out. Beijing, 2006. № 16. P. 49–50.

Tan, A. The Opposite of Fate: Memories of a Writing Life / A. Tan. NY, 2003. P. 306–307.

The Columbia history of Chinese literature / ed. Victor H. Mair. NY, 2001. P. 493–510, 758–781.

Wedell-Wedellsborg, A. Haunted Fiction: Modern Chinese Literature and the Supernatural [Electronic resource] / A. Wedell-Wedellsborg. Mode of access: <http://journals.hil.unb.ca/index.php/IFR/article/view/7797/8854>. Date of access: 16.02.2015.

Wolfgang Kubin on Contemporary Chinese Literature (Deutsche Welle via Priest Liu) [Electronic resource]. Mode of access: http://zonaeuropa.com/culture/c20061214_1.htm. Date of access: 14.03.2015.

陈, 殿兴. 中国文学发展与海外华人作家的历史使命 / 陈殿兴 (Чэнь, Дяньсин. Развитие китайской литературы и историческая миссия китайских «за-морских» писателей [Электронный ресурс] / Чэнь Дяньсин. Режим доступа: <http://www.aisixiang.com/data/22462.html>. Дата доступа: 01.02.2016).

陈, 瑞琳. 冲出中国当代文学的精神困境——试论海外“三驾马车”对当代华语文坛的现实意义 / 陈瑞琳 (Чэнь, Жуйлинь. Духовный тупик современной китайской литературы — актуальная значимость «тройки» зарубежья для современной литературы на китайском языке [Электронный ресурс] / Чэнь Жуйлинь. Режим доступа: http://wxs.hi2net.com/home/news_read.asp?newsid=48228. Дата доступа: 10.12.2014).

陈, 瑞琳. 灵魂变奏的沧海之歌 ——读“白领作家”陈谦的小说 / 陈瑞琳 (Чэнь, Жуйлинь. Песня безбрежного океана душевных вариаций — читая «белых воротничков»: проза Чэнь Цянь [Электронный ресурс] / Чэнь Жуйлинь. Режим доступа: http://wxs.hi2net.com/home/news_read.asp?newsid=2298. Дата доступа: 01.04.2007).

当代文学 // 曹卫东. 中国文学。——海潮出版社, 2007。— 页313—372 (Новейшая литература // Китайская литература / Цао Вэйдун. Пекин, 2007. С. 313—372).

贺, 文玄. 海外华人作家一百年: 挣扎在非母语圈的愁与恋 / 贺文玄 (Хэ, Вэньсюань. Столетие китайских писателей эмигрантов: преодолевая тоску и привязанность в иноязычном окружении [Электронный ресурс] / Хэ Вэньсюань. Режим доступа: <http://www.ejyx.com/ejyx/1/ReadNews.asp?NewsID=1545>. Дата доступа: 10.04.2014).

华裔女作家张翎: 写出落地生根的情怀 // 环球华报 (Этническая китайская писательница Чжан Лин: что переживаешь, пуская новые корни [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/overseas/2005-01/04/content_2412923.htm. Дата доступа: 02.03.2007).

黄, 蓉. 论张翎近作《何处藏诗》的诗意及其文学创作理念 / 黄蓉 // 吉林省教育学院学报。——2014。——11期 (Хуан, Жун. Поэтическое начало и концепция последнего произведения Чжан Лин «Где спрятаны стихи» [Электронный ресурс] / Хуан Жун. Режим доступа: http://58.133.168.6:8086/Tem plate/classic/Journal_View.aspx?titleID=jxbs20141165. Дата доступа: 16.11.2015).

黄, 万华. 视角越界: 海外华人文学中的叙事身份 / 黄万华 (Хуан, Ваньхуа. Трансграничная перспектива: личность повествователя в литературе китайского зарубежья [Электронный ресурс] / Хуан Ваньхуа. Режим доступа: <http://www.literature.org.cn/Article.aspx?ID=12547>. Дата доступа: 26.04.2014).

黄, 运荣、熊, 文。莫言与加拿大华裔作家文缘 / 黄运荣、熊文 (Хуан, Юньжун. Мо Янь о литературной судьбе китайских писателей в Канаде [Электронный ресурс] / Хуан Юньжун, Сюн Вэнь. Режим доступа: http://www.ucwb.com/epaper/ucwb/html/2012-10/18/content_1514649.htm. Дата доступа: 02.11.2014).

加拿大华裔作家主要作品名录 // 中国加拿大研究会 (Перечень основных произведений китайских писателей в Канаде [Электронный ресурс] // Ассоциация канадских исследований в Китае. Режим доступа: http://www.ucwb.com/epaper/ucwb/html/2012-10/18/content_1514649.htm. Дата доступа: 05.10.2013).

江, 少川。张翎访谈: 攀登华文文学创作的高山 / 江少川 // 世界华人周刊。——2013。——04. 06 (Цзян, Шаочуань. Чжан Лин: Штурм вершины китайскоязычного литературного творчества [Электронный ресурс] / Цзян Шаочуань // World Chinese Weekly. 2013. 4 июня). Режим доступа: http://www.worldchineseweekly.com/a/genwu/zhuanfang/2013/04_06/21427_3.html. Дата доступа: 14.02.2015).

九十年代的文学状况 // 洪子诚。中国当代文学史。——北京大学出版社, 1999。——页384—394 (Хун, Цзычэн. Литературная обстановка в 90-е годы // История новейшей китайской литературы / Хун Цзычэн. Пекин, 1999. С. 384—394).

刘, 静。海外华文文学成为中国文学新力量 (文学新观察) / 刘静 (Лю, Цзин. Литература зарубежья на китайском языке становится новой силой китайской литературы (новый обзор) [Электронный ресурс] / Лю Цзин. Режим доступа: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2013-07/12/content_1267858.htm. Дата доступа: 10.04. 2014).

卢, 欢。张翎: 我不在这儿也不在那儿 / 卢欢 (Лу, Хуань. Чжан Лин: Я не здесь и не там [Электронный ресурс] / Лу Хуань. Режим доступа: http://wxs.hi2net.com/home/blog_search.asp?id=177&Keyword=%D5%C5%F4%E1&action=about&page=1. Дата доступа: 12.06.2014).

陆, 卓宁。张翎小说研究述评 —— 海外华文女性文学研究的一种思路 / 陆卓宁、蒋文娟 // 职大学报。——2012。——第5期。——页27—31 (Лу, Чжуонин. Произведения Чжан Лин – исследование китайской женской литературы зарубежья [Электронный ресурс] / Лу Чжуонин, Цзян Вэньцзюань // J. of the Staff and Worker's University. 2012. Вып. 5. С. 27—31). Режим доступа: <http://ir.gxun.edu.cn/bitstream>. Дата доступа: 07.04.2016).

缪, 菁。张翎作品的创造历程及其特点 / 缪菁 // 文学教育。——2014。——第23期 (Мяо, Цзин. Произведения Чжан Лин: процесс создания и особенности творчества [Электронный ресурс] / Мяо Цзин // Литературное просвещение. 2014. № 23. Режим доступа: <http://www.xzbu.com/9/view-6343646.htm>. Дата доступа: 29.03.2016).

莫, 言。碎语文学 / 莫言。——北京: 作家出版社, 2012。——页280—283, 318—335 (Мо, Янь. Осколочная литература / Мо Янь. Пекин, 2012. С. 280—283, 318—335).

莫言。写作就是回故乡 / 莫言 // 东方早报。——2009。——08.09 (*Мо, Янь*. Творчество – это и есть возвращение на Родину [Электронный ресурс] / Мо Янь // Утренний Восток. 2009. 9 авг. Режим доступа: <http://www.zgnfys.com/m/view.php?aid=32890>. Дата доступа: 02.03.2015).

聂华苓: 三生三世在水边 // 成都日报 (Не Хуалин: три жизни и три эпохи у кромки воды [Электронный ресурс] // Ежедневник Чэнду. Режим доступа: http://cdrb.newssc.org/html/2012-01/04/content_1470386.htm. Дата доступа: 08.03.2015).

女性作家的小说创作 // 修订本。中国当代文学概观。—北京大学出版社, 2002。——页316–335 (*Сю, Динбэнь*. Женская проза / Сю Динбэнь // Обзор современной китайской литературы / Пекин, 2002. С. 316–335.)

女作家的创作 // 洪子诚。中国当代文学史。——北京大学出版社, 1999。——页 355–365 (*Хун, Цзычэн*. Творчество писательниц / Хун Цзычэн // История новейшей китайской литературы. Пекин, 1999. С. 355–365.)

融, 融。《一代飞鸿》的出版及其它 / 融融 (*Жун, Жун*). О публикации «Поколения летящих лебедей» [Электронный ресурс] / Жун Жун. Режим доступа: <http://www.chinaqw.com/news/200706/29/77817.shtml>. Дата доступа: 03.02.2016).

施, 雨。张翎印象 / 施雨 // 香港文学。——2009。——12期 (*Ши, Юй*). О Чжан Лин. Впечатления [Электронный ресурс] / Ши Юй // Лит. Сян-гана. 2009. № 12. Режим доступа: http://wxs.hi2net.com/home/news_read.asp?NewsID=9994. Дата доступа: 27.01.2016).

孙, 小宁。作家张翎写“时代阵痛”: 女人和家国命运的关系思考 / 孙小宁 (*Сунь, Сяонин*. Чжан Лин описывает «схватки эпохи»: размышления о связи судьбы женщины и страны [Электронный ресурс] / Сунь Сяонин. Режим доступа: <http://cul.qq.com/a/20140326/007877.htm>. Дата доступа: 02.06.2015).

王, 姣。近百海外华人作家聚焦“中国新移民文学” / 王姣 (*Ван, Цзяо*). Китайские писатели за рубежом в последние сто лет: концентрация в «новой китайской иммигрантской литературе» [Электронный ресурс] / Ван Цзяо. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/book/2014-11/15/c_127213409.htm?prolongation=1. Дата доступа: 10.02.2015).

王, 开志。新时期散文热寻根 / 王开志 // 乐山师范学院学报。——2001。——第五期——页58–60. (*Ван, Кайчжи*. К истокам «лихорадки» жанра саньвэнь в литературе Нового периода / Ван Кайчжи // Вестн. Лэ-шан. пед. ин-та. 2001. Вып. 5. С. 58–60).

王, 文璠。论张翎小说的互文性叙事 / 王文璠 // 山东师范大学文学院。——山东: 济南, 2012 (*Ван, Вэньжуань*. Интертекстуальность в прозе Чжан Лин [Электронный ресурс] / Ван Вэньжуань // Ин-т гуманитар. наук Шаньдун. пед. ун-та. Шаньдун, 2012. Режим доступа: http://www.chinadmd.com/file/x36atuziuiwscixvvercrpszz_1.html. Дата доступа: 01.05.2015).

我的文学梦——记张翎女士讲座 (Моя литературная мечта – лекция г-жи Чжан Лин [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wz51z.com/Art/Art_23/Art_23_1696.aspx. Дата доступа: 13.03.2015).

谢, 金娇. 论张翎小说中的母女关系/谢金娇 // 剑南文学: 经典教苑. — 2011. — 第8期 (*Се, Цзиньцяо*. Отношения матерей и дочерей в прозе Чжан Лин [Электронный ресурс] / Се Цзиньцяо. Режим доступа: <http://www.xzbu.com/5/view-2127723.htm>. Дата доступа: 29.03.2016).

徐, 学清. 论张翎小说 / 徐学清 // 中外论坛. — 2006 (*Сюй, Сюэцин*. О прозе Чжан Лин [Электронный ресурс] / Сюй Сюэцин // Зарубеж. форум. 2006. Режим доступа: http://wxs.hi2net.com/home/blog_read.asp?id=3785&blogid=41700. Дата доступа: 01.05.2015).

薛, 海翔. 海那边——《海外知性女作家小说丛书》总序 / 薛海翔 (*Сюэ, Хайсян*. Зарубежье. Предисловие к «Библиотеке прозы писательниц с «за-морским» восприятием» [Электронный ресурс] / Сюэ Хайсян. Режим доступа: http://wxs.hi2net.com/home/blog_read.asp?id=3407&blogid=6772. Дата доступа: 10.04.2006).

颜, 敏. “第三种空间”的美学建构——试论张翎小说的叙事策略及其定位 / 颜敏 // 作家与作品·当代文坛. — 2010. — 第二期. — 页82–85 (*Янь, Минь*. Эстетическая конструкция «третьего пространства» – повествовательная стратегия и общая позиция прозы Чжан Лин [Электронный ресурс] / Янь Минь // Писатели и произведения. Современ. лит. мир. 2010. Вып. 2. С. 82–85. Режим доступа: <http://wenku.baidu.com/view/445e9a134431b90d6c85c742.html>. Дата доступа: 11.06.2015).

杨, 常胜. 百年来海外华人作家创作扫描 / 杨常胜 // 研究与探讨. — 2012. — № 4 (*Ян, Чаншэн*. Обзор творчества китайских писателей зарубежья за последние сто лет [Электронный ресурс] / Ян Чаншэн // Исслед. и изучение. 2012. № 4. Режим доступа: <http://qwgzjy.gqb.gov.cn/yjyt/167/2074.shtml>. Дата доступа: 24.03.15).

杨, 恒均. 海外华语作家不应该是弱势群体 / 杨恒均 // 澳大利亚悉尼, 2008 (*Ян, Хэнцзюнь*. Китайскоязычным писателям зарубежья не следует быть слабыми [Электронный ресурс] / Ян Хэнцзюнь. Режим доступа: http://blog.bohun.com/hero/200808/yanghj/2_2.shtml. Дата доступа: 09.09.2015).

杨, 红玉. 论张翎小说的基督教意蕴 / 杨红玉 // 山东文学. — 2008. — 第05期 (*Ян, Хуньюй*. К вопросу о христианском подтексте в прозе Чжан Лин [Электронный ресурс] / Ян Хуньюй // Шаньдун. лит. 2008. Вып. 5. Режим доступа: <http://wuxizazhi.cnki.net/Search/SDWX200805025.html>. Дата доступа: 09.09.2015).

宇, 秀. 跨界书写的“偏房”心态 / 宇秀 // 2014年11月19日 于广州首届世界华文文学大会 (*Юй, Сю*. Психологическое состояние «наложницы» трансграничного письма [Электронный ресурс] / Юй Сю. Режим доступа: <http://www.overseaswindow.com/node/19977>. Дата доступа: 03.02.2016).

张, 爱玲. 谈女人/张爱玲 (*Чжан, Айлин*. Разговор о женщинах [Электронный ресурс] / Чжан Айлин. Режим доступа: <http://www.saohua.com/shuku/zhangailingquanji/001-43.htm>. Дата доступа: 12.05.2015).

张, 爱玲. 写什么 / 张爱玲 (*Чжан, Айлин*. О чем писать [Электронный ресурс] / Чжан Айлин. Режим доступа: <http://www.douban.com/note/217312777>. Дата доступа: 10.02.2015).

张, 嘉。张翎: 死于经历。活于希望 / 张嘉 // 北京青年报。——2014。——3月7日 (*Чжан, Цзя*. Чжан Лин: Умирать из-за пережитого. Жить надеждой [Электронный ресурс] / Чжан Цзя // Пекин. молодеж. газ. 2014. 7 марта. Режим доступа: http://wxs.hi2net.com/home/blog_read.asp?id=177&blogid=82417. Дата доступа: 15.03.2016).

张,翎。不安分的乔治·桑 / 张翎 // 羊城晚报 (*Чжан, Лин*. Беспокойная Жорж Санд [Электронный ресурс] / Чжан Лин // Вечер. Янчэн. Режим доступа: http://www.ycwb.com/ePaper/ycwb/html/2013-03/19/content_1547066.htm. Дата доступа: 07.04.2016).

张,翎。尘世 / 张翎 // 尘界。— 南宁: 广西人民出版社, 2004。—— 页 1—45 (*Чжан, Лин*. Житейское море / Чжан Лин. Наньнин, 2004. С. 1—45).

张,翎。故土, 最持久的灵感源泉 / 张翎 // 人民日报。——2014。—— 11月26日 (*Чжан, Лин*. Родные края как самый долговечный источник вдохновения [Электронный ресурс] / Чжан Лин // Жэньминь жибао. 2014. 26 нояб. Режим доступа: http://wxs.hi2net.com/home/blog_read.asp?id=177&blogid=86527. Дата доступа: 15.03.2016).

张,翎。海外作家的特性 / 张翎 (*Чжан, Лин*. Характерные черты писателей зарубежья [Электронный ресурс] / Чжан Лин. Режим доступа: http://blog.sina.com.cn/s/blog_5b7c4c6c0100mk7e.html 2011.03.28. Дата доступа: 10.04.2015).

张,翎。灵魂里流淌的是坚强与隐忍 / 张翎 (*Чжан, Лин*. Душевные стойкость и скрытность [Электронный ресурс] / Чжан Лин. Режим доступа: <http://ny.usqiaobao.com/weekly/ny/45448-2014-03-17-16-48-36.html>. Дата доступа: 26.04.2014).

张,翎。梦里不知身是客 / 张翎 (*Чжан, Лин*. В мечтах не признаешь себя гостем / Чжан Лин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yclub.com/wenxue/wenqui.php>. Дата доступа: 12.01.2015).

张,翎。随笔: 杂忆洗澡 / 张翎 (*Чжан, Лин*. Эссе: заметки о мытье [Электронный ресурс] / Чжан Лин. Режим доступа: http://wxs.hi2net.com/home/news_read.asp?newsid=9245. Дата доступа: 10.02.2014).

张,翎。遗憾, 补缺, 还有感动 / 张翎 // 唐山大地震。——广州: 花城出版社, 2013 (*Чжан, Лин*. Сожалеть, заполнить пустоту и растрогать / Чжан Лин // Таншаньское землетрясение. Гуанчжоу, 2013).

张,欣。论张翎小说《阵痛》中的女性群像 / 张欣 (*Чжан, Синь*. Галерея женских образов в романе Чжан Лин «Схватки» [Электронный ресурс] / Чжан Синь. Режим доступа: <http://www.xzbu.com/5/view-7174863.htm>. Дата доступа: 24.03.2016).

张翎: 故乡在记忆中存活 // 汕头特区晚报。——2012。——12月6日 (Чжан Лин: Родина существует в памяти [Электронный ресурс] // Вечер. газ. Шанью. 2012. 6 янв. Режим доступа: http://www.step.com.cn/html/2012-12/06/content_380941.htm. Дата доступа: 24.03.15).

张翎: 写作是我。回家的方式。// 钱江晚报。——2014。——7月13日 (Чжан Лин: Творчество — это я. Способ вернуться домой [Электронный ре-

сурс] // Цяньцзян. вечер. газ. 2014. 13 июля. Режим доступа: http://qjwb.zjol.com.cn/html/2014-07/13/content_2740242.htm?div=-1. Дата доступа: 10.03.2016).

张翎: 有一种勇敢比勇敢更勇敢 (长篇小说《阵痛》) // 北京晚报。——2014。——3月25日 (Чжан Лин: Мужество, которое превосходит само себя (О романе «Схватки») [Электронный ресурс] // Пекин. вечер. газ. 2014. 25 марта. Режим доступа: http://wxs.hi2net.com/home/blog_read.asp?id=177&blogid=82666. Дата доступа: 15.03.2016).

张翎: 张爱玲是石青, 我是赭石 (Чжан Лин: Чжан Айлин – лазурит, а я – охра [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.china.com.cn/blog/zhuanti/female/2014-03/18/content_31822401.htm. Дата доступа: 02.12.2014).

张翎笔下的温州人形象 // 温州日报。——2012。——10月29日 (Образы вэньчжоусцев под пером Чжан Лин [Электронный ресурс] // Газ. Вэньчжоу. 2012. 29 окт. Режим доступа: http://wzrb.66wz.com/html/2012-10/29/content_1330906.htm. Дата доступа: 01.02.2015).

张翎掀起的阅读大地震 ——关于《唐山大地震》和《一个夏天的故事》 // 羊城晚报 (Чжан Лин вздымает землетрясение в чтении – о «Таншаньском землетрясении» и «Однажды летом» [Электронный ресурс] // Вечер. Янчэн. Режим доступа: http://www.ycwb.com/epaper/ycwb/html/2013-03/03/content_98258.htm?div=0. Дата доступа: 05.04.2015).

张翎长篇小说《金山》研讨会在京举行 (Конференция, посвященная роману Чжан Лин «Золотая гора», Пекин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinawriter.com.cn/news/2009/2009-08-12/75515.html>. Дата доступа: 21.02.2015).

赵, 稀方. 从中国文学走向中文文学 / 赵稀方 // 中华读书报。——2004。——08月 (Чжао, Сифан. От литературы Китая к литературе на китайском языке [Электронный ресурс] / Чжао Сифан. Режим доступа: <http://www.literature.org.cn/Article.aspx?id=1628>. Дата доступа: 07.04.2016).

赵, 稀方. 评张翎的《阿喜上学》/赵稀方 // 香港文学。——2011。——06月. (Чжао, Сифан. О повести Чжан Лин «А-си идет в школу» [Электронный ресурс] / Чжао Сифан. Режим доступа: http://wxs.hi2net.com/home/news_read.asp?NewsID=56123. Дата доступа: 10.03.2015).

赵, 稀方. 评张翎的《邮购新娘》: 历史, 性别与海派美学 / 赵稀方 // 中华读书报。——2004。——04月 (Чжао, Сифан. О романе Чжан Лин «Невеста по почте»: история, гендер и эстетика «шанхайского» стиля [Электронный ресурс] / Чжао Сифан. Режим доступа: <http://www1.people.com.cn/GB/14738/14754/21861/2434742.html>. Дата доступа: 28.03.2016).

《中山杯》华侨文学奖获奖作品名单公示 (Кубок «Чжуншань». Перечень произведений, удостоенных награды за литературу хуацяо [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinawriter.com.cn/2009/2009-10-30/78674.html>. Дата доступа: 02.04.2015).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	10
1.1. Исследования по проблеме китайской национальной специфики и словесности: обзор литературы	10
Вопросы и задания для самостоятельной подготовки и обсуждения	14
1.2. Территориальная структура современной китайской прозы	15
Вопросы и задания для самостоятельной подготовки и обсуждения	27
1.3. Китайская литература зарубежья: ведущие тенденции развития	28
Список художественных произведений для обсуждения	42
Вопросы и задания для самостоятельной подготовки и обсуждения	43
1.4. Основные компоненты национальной идентичности китайской литературы	43
Вопросы для самостоятельной подготовки и обсуждения	51
Темы курсовых и дипломных работ	52
Глава 2. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ БИОГРАФИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ ЧЖАН ЛИН	53
2.1. Факты биографии в художественном преломлении	53
2.2. Исторические факты в авторской интерпретации.....	63
Вопросы для самостоятельной подготовки и обсуждения	73
Темы эссе, курсовых и/или дипломных работ	74
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	77

Учебное издание

Букатая Анастасия Михайловна

**КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
конца XX – начала XXI в.:
ТВОРЧЕСТВО ЧЖАН ЛИН**

Учебно-методическое пособие

Редактор *Т. С. Петроченко*
Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *В. П. Явуз*
Компьютерная верстка *О. Ю. Шантарович*
Корректор *А. И. Данилова*

Подписано в печать 16.02.2021. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 6,05.
Тираж 70 экз. Заказ 125.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.